

XVI $\frac{69}{14}$

1910

~ 1-4

XVI. 69. 14. 1910

ТРОПИНКА

ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ

1 ЯНВАРЯ
1910

ГОДЪ ИЗД.
V

№ 1

Изданія журнала „ТРОПИКИ“

Адресъ редакціи и конторы: Спб.- Вознесенскій, 36, кв. 4. Телефонъ 297

- Безобразова М. С.** «Исторія одного воробья». Съ рисункомъ 2-е. Цѣна 25 к.
- Бьялевская О. А.** «Капель» Стихотворенія. Цѣна въ папкѣ въ обложкѣ 40 к.
- Кондурюшкинъ И. С.** «Въ деревнѣ». Разказы. Съ рис. Цѣна 25 к.
- Купринъ А. И.** «Слонъ». Съ рисункомъ. Цѣна 25 к.
- Карроль Льюисъ.** «Приключенія Алисы въ странѣ чудесъ». Любимая книга англійскихъ дѣтей. Переводъ Allegro. Съ рис. Цѣна въ обложкѣ 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.
- Лондонъ Джэнъ.** «Букъ». Исторія одной собаки. Переводъ Н. Манасеиной. Съ рисункомъ. Цѣна въ обложкѣ 40 к., въ папкѣ 75 к.
- Малахіева-Мировичъ В. Г.** «Золотой домъ». Сборникъ разказовъ. Съ рис. Цѣна въ обложкѣ 75 к., въ папкѣ 1 р.
- Манасеина Н. И.** «Разказы для дѣтей». Со многими рисунками. Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к.
- Манасеина Н. И.** «На Рождествѣ». Три разказа. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к.
- Манасеина Н. И.** «Мамино дѣтство». Разказъ изъ институтской жизни. Съ отдѣльн. рис. на мѣловой бумагѣ. Ц. въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к.
- Поливановъ В. П.** «Воронъ».—«Индѣйцы». Съ рис. Ц. 25 к.
- Соловьева П. С.** «Елка». Стихи для дѣтей. Съ рис. Изд. 2-е. Ц. 35 к.
- Соловьева П. С.** «Семилѣтка». Народныя сказки. Съ рисункомъ. Ц. въ папкѣ 80 коп.
- Соловьева П. С.** «Свадьба солнца и весны». Пьеса въ стихахъ. Съ рисункомъ. Ц. 20 коп.
- Соловьева П. С.** «Разгадай». Сборникъ ребусовъ, шарадъ и загадокъ. Ц. 25 коп.
- Соловьева П. С.** «Березкины именины». Пьеса въ стихахъ. Съ рисункомъ. Ц. 25 коп.
- Соловьева П. С.** «Первое Апрѣля». Комедія въ одномъ дѣйствіи. Ц. 10 к.
- Соловьева П. С.** «Няня». Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Ц. 15 к.
- Шапиръ Н. Л.** «Люди и звѣри». Съ рисунками. Ц. 25 к.
- Франсъ Анатоль.** «Пчелка». Сказка. Съ рис. Изданіе 2-е. Переводъ Н. Манасеиной. Ц. 25 к.
- Allegro.** «Дѣти зимой». Открытки въ краскахъ. Ц. за дюжину 25 к., съ пересылкой 35 к.

Выписывающіе книги изъ редакціи за пересылку не платятъ.

Подписчикамъ „ТРОПИКИ“ дѣлается уступка въ 20%.

На выставкѣ „Искусство въ жизни ребенка“ 1909 г. Книгоиздательству „Тропинка“ присуждена золотая медаль.

1910 годъ.

Январь № 1.—8

I-IV

ЖУРНАЛЪ

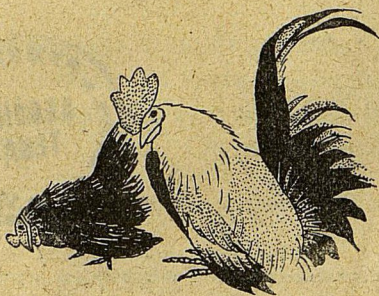
ТРОПИИКА.

3/VI 33.16

Содержаніе.

1. Свѣтъ въ Египтѣ—картина *Эрика Ратъ*.
2. Синяя дорога—стихотвореніе *Сергея Сьвернаго*.
3. Куриная елъпота—разсказъ *Н. Манасеиной*. Съ рисунками *Т. Гиттѣусъ*.
4. У Младенца-Иисуса—*С. Лаврентьевой*.
5. Новогодній подарокъ—разсказъ *Анатолія Франса*.
6. Исторія воздухоплаванія—*Л. Егорова*. (Продолженіе).
7. Картина „Свѣтъ въ Египтѣ“.
8. Жизнь Хитролиса—(изъ старо-французскаго эпоса)—*П. Соловьевой*. Рисунки *Бенжамэна Рабье*.
9. Вѣсти отовеюду.
10. Почта „Тропинки“.
11. Армянскія загадки.
12. Пословицы Вологодской губерніи.
13. Ребусъ № 1.

СВѢТЪ ВЪ ЕГИПТЪ.

Картина Эрика Рэпъ.

Синяя дорога.

— Няня, кто тамъ въ небѣ тихо бродить?

— Облака.

— Ходить

Кто, могучій,

По ночамъ гремитъ?

— Тучи.

— Тамъ воздушная рѣка,

Няня, синяя бѣжитъ?

— Нѣтъ. Рѣка лишь землю поить

Да песокъ прибрежный моетъ

У раки.

Тамъ воздушная дорога,

Чистый Божій путь.

— А куда ведетъ дорога?

— До небеснаго порога,

Въ радостный чертогъ.

— Кто жъ въ чертогѣ, няня?

— Богъ.

Сергій Сѣверный.

Куриная слѣпота.

I.

МОРОЗЪ все крѣпчалъ, а цвѣтовъ становилось все больше и больше.

Четыре дѣвочки, въ бѣлыхъ пелеринкахъ и такихъ же фартукахъ, съ утра и до вечера что то стригли, клеили, красили, мяли и крутили возлѣ небольшого стола у единственнаго окошка въ мастерской. Окошко упиралось въ закоулокъ двора пятиэтажнаго дома, и свѣта было мало, такъ что въ декабрьскіе темные дни надъ четырьмя головами дѣвочекъ уже съ самаго утра горѣла лампа подъ большимъ жестянымъ абажуромъ.

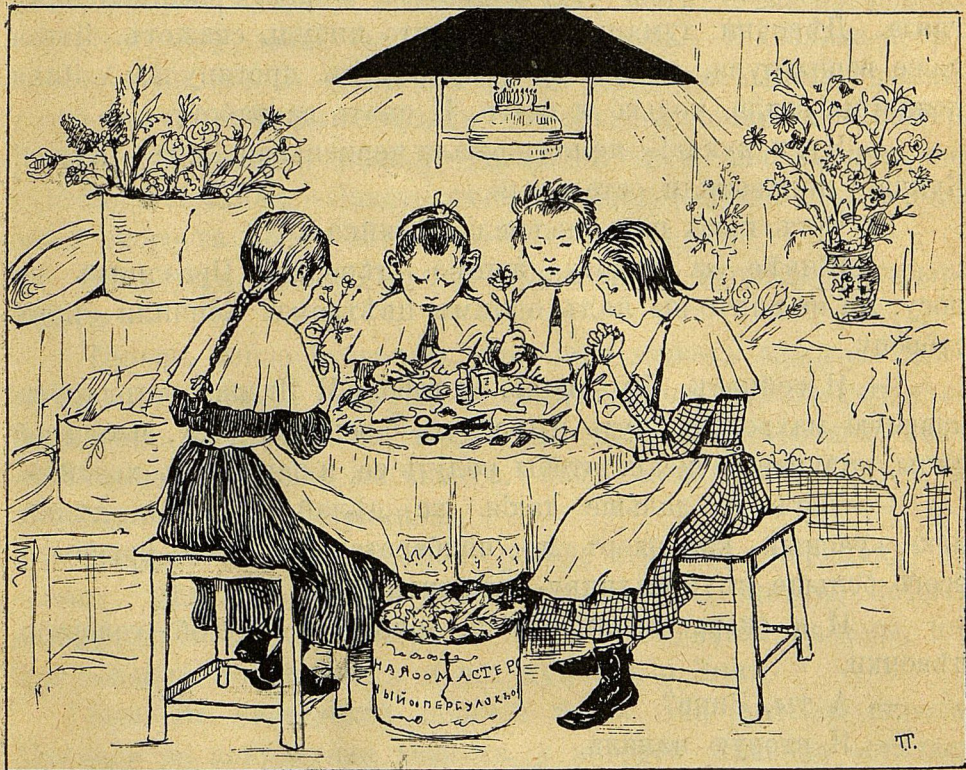
Мадамъ Генриетта, хозяйка цвѣточной мастерской, маленькая полная и блѣдная женщина, рѣдко присаживалась къ рабочему столу. Ученицы были на столько обучены, что работали самостоятельно. Мадамъ только назначала, что дѣлать. Каждое утро, передъ приходомъ трехъ дѣвочекъ—четвертая Зина, круглая сирота, такъ и жила въ мастерской,—мадамъ Генриетта заготовляла матеріаль, необходимый для дневной работы и на середину рабочего стола выкладывала образецъ цвѣтка.

Потомъ, одна за другой приходили дѣвочки. Каждая, прежде чѣмъ раздѣться, подсакивала къ столу посмотреть, какой цвѣтокъ будутъ дѣлать. У каждой былъ свой любимый.

Ежикомъ выстриженная Нюша съ торчащими ушами больше всего любила Анютины глазки. Черненькая Лена радо-

валась гиацинтамъ, а толстая, съ тоненькой туго заплетенной косичкой, Маша вся сияла, когда принимались за ромашку.

— Сегодня мой день!—А завтра ужъ мой будетъ!—Вчера мой день былъ. А Зинѣ все равно!—И въ этомъ „все равно“ чувствовалось осужденіе.

Четыре дѣвочки что-то клеили, стригли, красили, мили и крутили.

— Ей бы опять за своихъ уродцевъ приняться! Зина, помнишь ромашку? Нѣтъ, лучше „курочку съ пѣтушкомъ?“

Дѣвочки смѣются, разсаживаясь вокругъ стола. Имъ хочется раздражить Зину.

— А гдѣ твоя коробочка съ метелочками и синяя тетрадка?

Зина хоть бы слово. Точно не про нее говорятъ, точно не ее спрашиваютъ. Сидитъ, какъ не живая. Губы въ ничтожку, въ лицѣ ни кровинки. Взмахнула разъ густыми рѣсницами и показала косо прорѣзанные и широко разставленные глаза. Дѣвочки думали, что она что нибудь скажетъ. Нюша даже взвизгнула, когда она руку вдругъ протянула. А Зина ножницы взяла, только и всего. И опять за работу.

— Ну, и кукла!—не выдержала черненькая Леца.—Кукла! Кукла!—подхватили остальные.

Но тутъ какъ разъ подошла хозяйка.

— Живѣе за работу, живѣе, дѣвочки! Праздникъ на носу. Да не спите вы надъ однимъ цвѣткомъ. Кончили—и въ сторону.

— Я сейчасъ. Ну, вотъ, готово.—И Нюша, встряхнувъ красную махровую, чуть что не съ блюдечко розу, изо всей силы надуваетъ щеки, чтобы обдуть ее, и передаетъ хозяйкѣ.

— Вотъ и дальше такія же дѣлай. Такъ и дѣлай, пока красный каленкоръ не подберется. Такихъ красныхъ всего больше къ празднику спрашиваютъ.

— И я скоро кончу!—И я,—одна за другой говорятъ дѣвочки.

— А ты, Зина?

— Я вторую начала.

— Вторую!—Хозяйка радостно удивлена. Дѣвочки поражены и завидуютъ. Какъ же это такъ? Зина—и вдругъ больше всѣхъ!

— Да и роза первый сортъ у тебя! Молодецъ, Зина!

Другая покраснѣла бы, а Зинѣ хоть бы что. Бранятъ, хвалятъ или дразнятъ, ей все ни по чемъ.

— Изъ тебя толкъ выйдетъ, Зина. Только ты на образецъ почаще взглядывай.

— Я его наизусть знаю, — говоритъ Зина, но головы не поднимаетъ.

— Ну и прекрасно. Вотъ видишь, послушалась, сдѣлала, какъ велѣтъ, мудрить бросила и все, какъ по маслу пошло. Забыть не могу, какіе ты выкрутасы дѣлала.—И хозяйка добродушно треплетъ Зину по плечу. На этотъ разъ Зина вспыхиваетъ до корней рыжеватыхъ волосъ. Дѣвочки хихикаютъ.

— Ну, полно, полно,—унимаетъ ихъ благодушно настроенная хозяйка. —Знаете, вѣдь, кто старое помянетъ... А Зина васъ скоро за поясъ заткнетъ.

Вотъ ужъ какъ! Дѣвочки обиженно и насмѣшливо фыркаютъ.

Теперь, когда оказалось, что Зина можетъ работать даже лучше ихъ всѣхъ, подруги не сомнѣваются, что она горячка и злючка. Хозяйка и та, хотя очень довольна дѣвочкой, какъ работницей, но тоже не знаетъ, какъ подступиться къ ней. Дѣвочка какая то странная

Мадамъ ходитъ по мастерской, дѣлаетъ порядокъ въ шкапу, куда за стекло убираются готовые цвѣты, потомъ вытираетъ пыль съ прилавка, съ искусственной пальмы, поглядываетъ на дѣвочекъ и все думаетъ о Зинѣ.

Зина въ мастерской первый годъ. Она круглая сирота. Привела ее квартирная хозяйка, у которой дѣвочка осталась неожиданно на рукахъ послѣ смерти бабушки.

Мадамъ Зина съ перваго раза не понравилась. Показалась черезъ чуръ вялой. Взяла она дѣвочку только потому, что ужъ очень просили, и то на время, на пробу. Зина и самоваръ ставила, и печку топила, и въ лавочку бѣгала, и цвѣты приучалась дѣлать. Всѣ другія дѣвочки были уже уче-

няя, каждая могла работать сама, а Зину надо было учить. Старалась она ужасно. Всякую другую работу спѣшила сдѣлать, какъ можно скорѣй, чтобы присѣсть къ столу. Вялость съ нея сразу соскочила, и вся она точно другая сдѣлалась. Пoblѣднѣла еще больше, но въ глазахъ засвѣтилось что то новое. И нескладная фигура стала болѣе гибкой и ловкой.

Часто, въ свободное время, присаживалась она въ уголокъ и что то крутила изъ обрѣзковъ бумаги. Только работу свою никому не показывала. Сомнеть въ комочекъ и бросить подъ столъ. Стануть дѣвочки приставать, просить показать, а у нея на все одинъ отвѣтъ:

— Ничего не вышло, не стоитъ и показывать. Вотъ, поучусь еще...

Наконецъ, сама мадамъ нашла, что Зинѣ пора работать, какъ всеѣмъ.

— Дѣлай ромашку,—распорядилась она. — Образецъ на столѣ.

Зина ужасно взволновалась. Даже руки у нея тряслись, когда она взялась за ножницы. Лицо блѣдное, серьезное.

Хозяйка ее пожалѣла, рѣшила не подходить, пока Зина не позоветъ. — Пускай обойдется. — А только Зина что то ужъ очень долго ничего не показывала. Хозяйка сама подошла. Взглянула и ахнула.

— Ты это что же дѣлаешь?

— Ромашку.

— А почему у тебя то тамъ, то здѣсь, лепестковъ не хватаетъ? А зачѣмъ ты здѣсь шапочку искривила и разломатила? Говорила я тебѣ уродовъ дѣлать?! Отвѣчай?! Я тебѣ правильный цвѣтокъ дала, а ты что натворила?

Хозяйка разволновалась и почти кричала.

— Я думала, ромашки разныя бываютъ. На лугу на дачѣ у насъ всякія были.

— Такъ то на лугу, глупая. А здѣсь въ магазинѣ такой цвѣтокъ кто же купить? Придумала тоже! А листикъ зачѣмъ здѣсь завернула? Цвѣтокъ, какъ цвѣтокъ, нѣтъ, и его испортила...

— А это точно вѣтеръ...

— Вѣтеръ?— У мадамъ глаза стали совсѣмъ круглые.— Да ты это что? Смѣяться вздумала!

И вдругъ, какъ разъ въ эту минуту увидала она головку съ тремя смѣшно торчащими лепестками. И головка точно на сторону и лепестки одинъ больше, другой меньше, а третій чуть чуть выбивается.

Тутъ уже хозяйка не выдержала, крикомъ кричать принялась.

— Это ты нарочно! Просто нарочно, на зло матерьяль портишь.

Дѣвочки всѣ работать перестали. Смотряты, слушають.

А Нюша хозяйкѣ подъ локоть шепчетъ:

— У нея еще много такихъ. Въ ящикѣ запрято. Она намъ показывала.

Выгашили все изъ ящика. Травинки, былинки какія-то, цвѣты - уродцы, вѣточки съ почками. Нѣтъ, и это передъ самымъ праздникомъ! Штуки такія выкидывать придумала!

Хотѣла мадамъ, чтобы притти въ себя, на работу другихъ ученицъ посмотреть. И что же? У первой же Нюши вокругъ желтой головки черезъ одинъ лепестки насажены. Одинъ есть, а другого и нѣтъ, потомъ опять есть. Аккуратно такъ. Нигдѣ не ошиблась Нюша.

— Это еще что? Никогда этого не случалось! Да какъ это тебѣ въ голову пришло?

— Это я на Зину посмотрѣла,—пищитъ Нюша.—Пускай, думаю, точно гадали. Больше никогда не буду. Простите, мадамъ.

— И у другихъ двухъ все точно не такъ, какъ раньше бывало.

— Да ты мнѣ всю мастерскую испортишь! Я тебя вонъ выгоню. Да и всѣ вы хороши! Точно бараны. Одна глупость придумала, другія за ней. Чтобы этого больше не было. Работайте, какъ я васъ учила: чисто, аккуратно, отчетливо. А ты, Зина, смотри. Будешь мудрить—вонъ!

И Зина больше не мудрила. Черезъ недѣлю мадамъ ее только похваливала. Зина работала лучше и скорѣе всѣхъ, только сама точно сразу погасла. Пробовала мадамъ ее хвалить и другимъ въ примѣръ ставить—ничего не помогало. Странная дѣвочка.

II.

А Рождество подходило. Все чаще и чаще дребезжали звонокъ надъ дверью. Шли покупатели, старые, молодые и дѣти.

На прилавкѣ цѣлый день лежали вороха цвѣтовъ. Мадамъ не успѣвала убирать. Взяла себѣ въ помощницы румяную Машу, но потомъ пришлось ее перемѣнить на Лену, а потомъ и на Нюшу. Всѣ дѣвочки просились продавать. Одной Зинѣ все равно что ни дѣлать. Сидитъ у стола, какъ прижитая, и все крутитъ, крутитъ.

Кажется, много всего въ магазинѣ заготовлено, нѣтъ,— не хватаетъ. Требуютъ какъ разъ того, въ чемъ недостатокъ. А работается, хоть и торопить хозяйка, уже не попрежнему. Въ головѣ у всѣхъ праздники, и мысли все о своемъ домашнемъ: куда пойти въ гости, что подарятъ, во что нарядиться.

У каждой, вѣдь, свой уголь, своя семья. Каждая о своемъ думаетъ. Ну и не работается. Одна Зина, какъ всегда. Точно машина заведенная. Можетъ быть оттого, что у нея никого нѣтъ. Думать не о чемъ. Ну и работаетъ. И смотрѣтъ ей, какъ будто, ни на кого не хочется. Кто ни придетъ въ магазинъ—ей все равно. А въ магазинѣ кого-кого только ни перебывало. И для образовъ въ кіоты брали цвѣты, и въ букеты для вазъ, и къ туалетамъ, и къ платью, и къ волосамъ.

Ужасно устала хозяйка, дѣвочки совсѣмъ избѣгались. Къ сочельнику почти весь товаръ подобрался. Въ шкапу за стекломъ пусто и въ картонкахъ такъ, кое гдѣ, на донышкѣ. Хорошо торговали. Мадамъ сразу все, что была должна, внесла за квартиру и дѣвочкамъ подарила новыя розовыя кофточки.

— Въ сочельникъ и совсѣмъ не приходите. Мы съ Зиной вдвоёмъ управимся,—сказала она дѣвочкамъ.

И дѣйствительно, въ сочельникъ въ магазинѣ было совсѣмъ тихо. Хозяйкѣ утромъ всего раза два пришлось выйти за прилавокъ. У всѣхъ уже все было закуплено и заготовлено. Забѣгали такъ, запоздавшіе.

Хозяйка цѣлое утро пробыла у себя въ комнаткѣ, рядомъ съ магазиномъ. Чѣмъ то шуршала, что то передвигала. Вѣроятно, праздничное себѣ приготавливала. Зина подбирала съ полу разные обрѣзки. Потомъ взяла тряпку и стала обтирать пыль съ колючихъ и холодныхъ листьевъ искусственной пальмы. Пока въ магазинѣ было тѣсно, пальму приплюснули однимъ бокомъ къ стѣнѣ. Зина переставила ее на середину прилавка. Подумала: „Такъ лучше. Пускай отдохнетъ на просторѣ“. Провела тряпкой по прилавку. Оглянула стѣны, увидѣла паутину въ углу. И захотѣлось ей все прибрать, вычистить, какъ дѣлали онѣ это съ бабушкой передъ праздникомъ въ своемъ углу.

Мадамъ свою комнату, слышно, убираетъ, а Зина магазинъ приберетъ. Такъ и подѣлятся, а ужъ праздникъ вдвоемъ встрѣтятъ.

Принялась Зина углы обметать, а потомъ стала протирать стекло въ шкапу. Суетится, торопится. Дверцу то туда, то сюда двигаетъ, а отъ стекла солнечный зайчикъ и по толку, и по стѣнамъ.

Заглядѣлась Зина на зайчика, и вдругъ входитъ въ магазинъ хозяйка на себя не похожая, нарядная—пренарядная. Сѣрое платье какое то блестящее и со стеклярусомъ. Прическа высокая съ бантомъ, и по груди цѣпочка съ красными камушками распущена. Вотъ какъ для праздника разрядилась! Только чего же такъ рано? А хозяйка глаза отъ Зины въ сторону какъ то отводитъ, пальцами цѣпочку перебираетъ и говорить:

— А я, вотъ, Зина, письмо получила. Надо мнѣ непременно въ Поповку къ сыну ѣхать. У нихъ дѣти маленькія... А ужъ я въ этотъ день всегда со своими...

Зина стоитъ, молчить. Мокрую тряпку въ сторону отвела, чтобы юбки не замочить. Зайчикъ уже не бѣгаетъ, притаился гдѣ то. Комната сразу скучная такая сдѣлалась.

— Ты что же молчишь? Боишься одна оставаться?

— Нѣтъ, не боюсь. Чего бояться? Не маленькая вѣдь.

— Конечно, не маленькая,—подхватила сразу повеселѣвшая хозяйка. Не надѣялась она, что все такъ хорошо обойдется.

— Да и умница ты у меня!—продолжала она, а сама торопится поскорѣй приколоть шляпку и тянется уже за калошами.—Въ печкѣ и въ шкапу все тебѣ приготовлено. Сыта будешь. Магазинъ въ пять часовъ припрешь. Смотри, пожара не надѣлай. Спичекъ на полъ не бросай. Лампочку на ночь не забудь затушить. Да вечеромъ дверей не отворяй. Такъ то

надежнѣе будетъ. Подъ праздникъ много всякаго народа шатается. Ну, а въ случаѣ чего, и дворникъ здѣсь подъ рукой.

Все это мадамъ говоритъ уже скороговоркой, надѣвая калоши, застегивая шубу.

— На второй день я непременно назадъ буду. Прощай.

— Прощайте!

Зина стоитъ, какъ деревянная. Лицо блѣдное, безжизненное.

А это даже и къ лучшему, что ей все—все равно. Другая, пожалуй, и не согласилась бы такъ остаться.

И хозяйка съ легкимъ сердцемъ захлопываетъ за собой дверь.

III.

— Одна, совсѣмъ одна!

Давно Зина не была одной.

Кругомъ такъ тихо, спокойно, уютно. Можно дѣлать, что хочешь. Никто за тобой не слѣдитъ, никто не подглядываетъ.

Зина притворила дверцы шкапа, постояла у прилавка, разложила нѣсколько оставшихся цвѣтовъ, потомъ подошла къ замерзшему окошку.

Солнце, прокравшееся въ закоулокъ между стѣнами уже ушло, но морозные узоры выступали особенно отчетливо на фонѣ близкой темной стѣны. Если смотрѣть долго, чего только не увидишь.

Вотъ звѣздочки... Перья какія то, а тамъ, точно крыло лебединое... Лебединое или ангельское. А вотъ и елка ледяная...

И Зинѣ вдругъ захотѣлось попробовать нарисовать все это.

Прежде она часто рисовала. Что понравится, то и зарисуетъ. У нея и тетрадка такая была. На казенной дачѣ эту

тетрадь ей подарили. Въ ней она лѣтомъ рисовала цвѣты. И въ городѣ рисовала. Цвѣты она очень любила. Все старалась нарисовать ихъ такими, какими на дачѣ видѣла. Думала, когда научится, сдѣлать ихъ изъ бумаги и коленкора. Ну, а потомъ, какъ ее на смѣхъ подняли, она засунула тетрадку за шкапъ, да такъ тамъ и оставила. Ни разу больше не рисовала. А что, если вытащить ее изъ-за шкапа? Никого нѣтъ. Одна она. Смѣяться никто не будетъ.

Зина отвернулась отъ окна. Стоитъ. Въ углахъ сумерки притаились. Не живая пальма вытянула жесткіе, холодные листья. Тускло поблескиваетъ протертое стекло опустѣлаго шкапа. Желтѣютъ по полкамъ картонки. И въ нихъ тоже пусто. Пусто, тихо и какъ то не то скучно, не то жутко. За окошкомъ туго проскрипѣлъ снѣгъ. Кто то прошелъ, а не видно кто.

Бросилась Зина за шкапъ, вытащила тетрадку, всю сбрую отъ пыли. Обдула, вытерла ее и сѣла у окошка. Перевернула одну страницу, посмотрѣла, заглянула на другую и пахнуло на нее весенними запахами.

Нѣтъ больше зимы, нѣтъ мастерской, нѣтъ пустого шкапа и пальмы колючей— стучать колеса, вагонъ покачивается и Зину покачиваетъ.

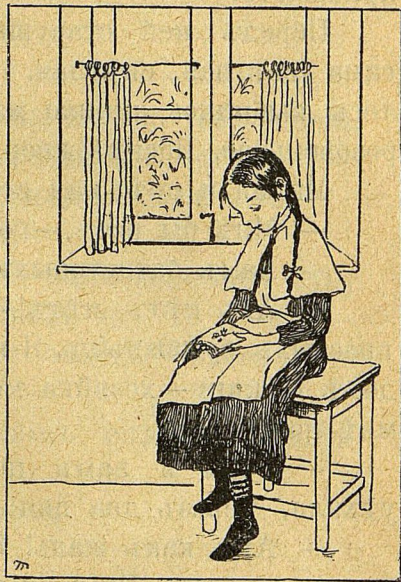
Бдетъ она на казенную дачу. Послѣ болѣзни она еще такая слабая, что у нея спина не держится. Кругомъ болтаютъ, смѣются. Много ихъ, такихъ дѣвочекъ, какъ она, тогда на дачу везли. Всѣ раскричались, какъ воробьи на солнцѣ. А ей говорить лѣнь. И что это за дача, куда ее везутъ— она совсѣмъ не понимала. Въ первый разъ въ жизни ее изъ города вывели. Приѣхали. Вышли изъ вагона. Зину даже качнуло, въ глазахъ потемнѣло. Ну, а потомъ, какъ отошла, сразу все увидала: и солнце яркое-яркое, и

молодые березки зеленые-зеленые, и лугъ весь въ золотыхъ цвѣточкахъ. Круглые такіе цвѣточки, блестящіе... Такъ и горѣли они подь солнцемъ. Эти золотые цвѣты Зину просто съума свели. Она тянула къ нимъ руки съ таратайки, а золотые цвѣты точно гнались за ней, перегоняли, впередъ забѣгали, выглядывали изъ всѣхъ канавокъ,—по откосамъ сбѣгали, по лугамъ разбѣгались.

Вотъ и дача. А золотые цвѣты уже тутъ. И передь домомъ, и за домомъ, и на лужайкѣ - все золотое. Зина набрала ихъ цѣлый букетъ. Запахъ какой чудесный!

Учительница сказала, что букетъ ничѣмъ ни пахнетъ. Но Зина ей не повѣрила. Цвѣты пахли, пахли влажной разогрѣтой землей, пахли свѣжей зеленью и еще чѣмъ то такимъ хорошимъ, для чего словъ нѣтъ. Не повѣрила Зина, что золотые цвѣты зовутъ „куриной слѣпотой“. Просто рѣшила, что учительница такъ это, для смѣха, придумала. Золотые цвѣты! Съ нихъ все и началось. Потомъ были и грибы, и ягоды, и качели, и палочка воровка въ теплые и душистые лѣтніе сумерки. Много чего вспоминается. И все таки, милѣе всего золотые цвѣточки. Вотъ они, вотъ, вотъ! Безъ конца рисовала ихъ Зина въ своей тетрадкѣ.

— А что, если попробовать сдѣлать ихъ? Обрѣзковъ всякихъ много. Попробую! Благо никого нѣтъ, никто не мѣшаетъ. Ахъ, вы мои милые, любимые, золотые!

И пахнуло на нее весенними запахами.

Зина принялась за работу. На блѣдныхъ щекахъ загорѣлся румянецъ, глаза ожили, заблестѣли.

И вдругъ, надъ дверью задребезжалъ звонокъ.

Зина вскочила, бросилась зажигать лампу.

— Что же такъ темно? Или не торгуютъ сегодня?

— Торгуютъ, торгуютъ,—торопится отвѣтить Зина.—Что прикажете?

Передъ ней старушка. Одѣта въ темное и широкое, а сама свѣтлая, свѣтлая. Изъ подъ капора серебряные волосы выбились, личико маленькое, бѣленькое и, какъ яблочко, розовенькое. Носикъ кверху, точно у воробья.

Милая и смѣшная старушка.

— Мнѣ бы розъ,—говоритъ она Зинѣ.

— Вамъ батистовыхъ?

— Ахъ нѣтъ, нѣтъ!—даже испугалась старушка.—Мнѣ простыхъ бумажныхъ. Я ихъ каждый годъ беру. Я въ этомъ домѣ и живу—хозяйка меня знаетъ. Лучше всего вы ее ко мнѣ попросите.

— Розы я вамъ покажу, какія остались, а хозяйка уѣхала. Черезъ два дня вернется.

— Ахъ, какъ жаль! Ну, покажите вы. Мнѣ, знаете, нужно самыя простыя. Бумажныя, разныхъ цвѣтовъ.

— Не знаю, осталось ли,—говоритъ Зина, заглядывая въ картонки.

— Ахъ, пожалуйста, отыщите! Неужели всѣ вышли?—огорченно и взволнованно говоритъ старушка.—Мнѣ безъ этихъ розъ никакъ нельзя. Ужъ вы поищите, милая.

И она озабоченно слѣдитъ за Зиной, пока та ищетъ по всѣмъ картонкамъ.

— Нашла!—говоритъ дѣвочка.

Старушка съ облегченіемъ вздыхаетъ.—Ну вотъ и отлично.

Очень она рада, что розы достала. И дѣвочка такая славная: постаралась, отыскала ей.

— А съ кѣмъ же ты здѣсь, дѣвочка? Хозяйка уѣхала?

— Одна я.

— Какъ одна? И нѣтъ никого ни въ магазинѣ, ни въ квартирѣ?

— Нѣтъ никого.

— И ты не боишься?

— Чего же бояться?

— Ну, если и не боишься, то, вѣдь, скучно тебѣ одной. Какъ же это такъ тебя одну подъ праздникъ оставили?— взволновалась старушка.— Ты бы отпросилась къ своимъ.

— У меня нѣтъ никого. Сирота я.

— Вотъ что! А все-таки хозяйкѣ не слѣдовало тебя одну оставлять. Такъ и скажи ей, что жилица изъ 10 номера— тамъ, гдѣ художникъ живетъ, она уже знаетъ,—просила ей передать, что не слѣдовало.

И старушка съ недовольнымъ лицомъ спѣшитъ выйти изъ магазина.

— До свиданія, милая. Будь здорова.

IV.

— Родіонъ, а Родіонъ, и что это за хозяйка въ цвѣточной мастерской? Сама уѣхала, а дѣвочку на два дня одну оставила,—говоритъ Марина Васильевна швейцару, поднимаясь съ нимъ въ лифтѣ въ пятый этажъ.

Родіонъ привыкъ, что жилица изъ 10-го номера, уже который годъ, поднимаясь въ свою квартиру, все волнуется, не оборвется ли машина, не застрянетъ ли какъ нибудь въ проходѣ. Про дѣвочку въ мастерской онъ даже какъ то не

сразу понялъ, а когда понялъ, то счелъ долгомъ прежде всего успокоить старушку.

— Не извольте беспокоиться, Марина Васильевна. Дѣвочки у нихъ привычныя. Имъ не впервой.

Сказалъ онъ это очень увѣренно, а Маринѣ Васильевнѣ хотѣлось успокоиться, и она повѣрила.

Потомъ, въ хлопотахъ, и совсѣмъ забыла про дѣвочку.

Сына она дома не застала. Дѣвушка сказала, что онъ вернется къ обѣду.

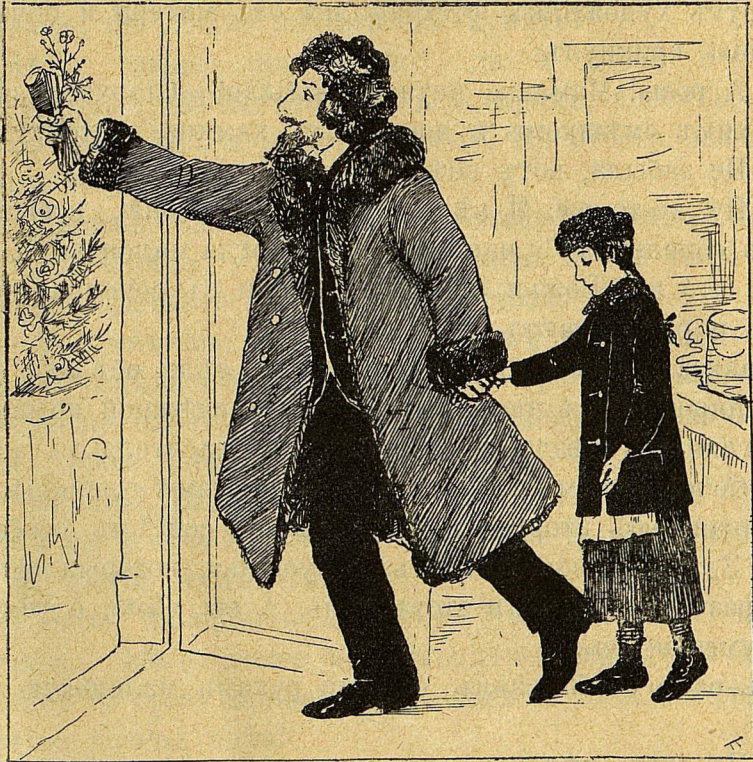
Марина Васильевна сразу, какъ раздѣлась, прошла въ мастерскую, самую большую комнату въ квартирѣ, съ окномъ чуть ли не въ половину стѣны.

Тамъ уже стоялъ столъ, накрытый на два прибора. Бѣлая скатерть была положена на разостланную солому.

Такъ въ сочельникъ накрывали столъ еще у родителей Марины Васильевны, когда она была маленькой дѣвочкой. И на столъ, какъ и тогда, поставили взваръ и кутью, и два кресла къ приборамъ придвинули. Въ комнату внесли елочку, небольшую, ростомъ поменьше самой Марины Васильевны. Она любила убирать елку сама, а большая ей была уже не подь силу. И какъ только внесли елку, отъ нея, хоть и маленькой, на всю большую мастерскую, пропитанную запахомъ скипидара и масляныхъ красокъ, пахнуло точно изъ хвойнаго, пригрѣтаго солнцемъ, лѣса. Стала елочка по срединѣ комнаты, подь большой висячей лампой, дрогнула, расправляя зеленыя вѣтки, и замерла во всей своей лѣсной красотѣ. А со стѣнъ, съ маленькихъ и большихъ холстовъ усталились на нее написанныя человѣческія лица, молодыя, старыя, дѣтскія; старинныя зданія, кудрявыя деревья и яркіе цвѣты. Вся эта недвижная красота, созданная человѣкомъ, смотрѣла и радовалась на живую Божью красоту.

Старушка такъ и замерла передъ елочкой, прижавъ къ груди худенькія руки.

— Ну и прелесть!—раздался сзади нея громкій веселый голосъ. Она даже вздрогнула.

— Мамаша, что я нашель! —

— Валя, милый! А я и не слыхала, какъ ты пришелъ: на елку залюбовалась. Вѣдь хорошо?

— Просто великолѣпіе! Да сегодня вездѣ хорошо, даже на улицѣ, а ужъ у меня въ мастерской: и столъ рождественскій, и елка, и окно прямо въ небо. Звѣзда Виѳлеемская къ

намъ первымъ заглянетъ; не пропуститъ бы намъ ее, старушка вы моя милая!

Наклонившись, онъ крѣпко и звонко поцѣловалъ мать, и они стояли, обнявшись, онъ—огромный, широкоплечій, съ темными кудрявыми волосами, а она маленькая, бѣленькая.

Вдругъ художникъ отстранился отъ матери и почти съ отчаяніемъ крикнулъ:

— А розы! Мамаша, неужели забыли?—Старушка засмѣялась тихимъ смѣшкомъ и достала съ камина картонку.

— Не забыла, вотъ онѣ.

— Ну, то-то же. Я вѣдь, какъ себя помню, всегда эти розы въ сочельникъ у насъ на елкѣ. Когда маленькимъ былъ, думалъ, что это Божьи цвѣты и что они въ сочельникъ такъ на елкѣ и расцвѣтаютъ.

Привязали розы къ вѣткамъ елки и сѣли обѣдать. Когда подали пирожки, съ темнаго неба надъ снѣжной крышей въ окно заглянула звѣзда, которая видѣла Спасителя въ ясляхъ.

— Сочельникомъ пахнетъ,—съ восторгомъ говорилъ Валя, накладывая себѣ вторую порцію взвара,—совсѣмъ особенный запахъ. Здѣсь и хвоя, и воскъ, и кушанья, которыя подаются только разъ въ году, въ этотъ день. А вы, мама, о чемъ это все задумываетесь?

Онъ озабоченно взялъ обѣими руками маленькую ручку матери.

— Да такъ, дѣвочка мнѣ вспомнилась, сегодня въ цвѣточномъ магазинѣ видѣла: одна сидитъ, хозяйка ея уѣхала, а ее одну оставила.—И старушка рассказала про Зину. Валя взволновался.

— Почему же, мамаша, вы ее къ намъ на елку не позвали? А дѣвочку то я, кажется, знаю. Въ окно видѣлъ, когда мимо проходилъ. Даже подумалъ: „хорошо бы ее написать“.

Она такая худенькая, блѣдная, рыжеватенькая... Сидѣла и что-то вертѣла за столомъ, а надъ нею на веревочкѣ кризантемы — цѣлый рядъ, внизъ мохнатыми головками. Я подумалъ: „отличный этюдъ можно бы написать“. И вдругъ, входная дверь хлопъ! Выбѣжала дѣвочка, уже другая, въ бѣлой пелеринкѣ.

„Вамъ, не угодно ли цвѣтовъ купить?“

„Нѣтъ, говорю, не угодно“, да и давай Богъ ноги. Искусственные цвѣты, что за ужасъ! Кромѣ, конечно, вашихъ розъ, мамаша. Ихъ я ужасно люблю. Но отчего вы дѣвочку къ намъ не привели?

— Знаешь, Валя, какъ-то въ голову не пришло. А теперь, вотъ, мучусь-сичу: у насъ такъ хорошо, а она тамъ одна.

Валя порывисто всталъ изъ-за стола.

— Вы, мамаша, не мучьтесь, я вамъ ее сейчасъ приведу.

И не успѣла старушка ничего возразить, какъ онъ уже накинулъ на плечи шубу, схватилъ шапку и исчезъ, захлопнувъ за собою дверь.

У Марины Васильевны отлегло отъ сердца. Она тоже встала и засуетилась у стола: поставила третій приборъ, придвинула третій стулъ. Сѣла.

— Надо накормить дѣвочку, у нея-то тамъ вѣрно все невкусное... Что-то долго не идутъ: далеко-ли здѣсь? Охъ, надо было мнѣ ее сразу привести. Не сидѣла бы я теперь, старая, въ святой вечеръ одна!

Заждалась старушка. Разбезпокоилась. Хотѣла уже послать прислугу узнать, отчего не идутъ, но какъ разъ въ эту минуту загудѣла за дверью подъемная машина, потомъ раздался громкій Валинъ голосъ. Дверь распахнулась настежь — и влетѣлъ Валя, таща за руку Зину.

— Мамаша, что я нашелъ! — кричалъ онъ еще съ порога, размахивая чѣмъ-то синимъ и желтымъ.

— Посмотрите-ка, она рисуешь, да какъ! И цвѣты какъ дѣлаешь! Куриная слѣпота—вѣдь живая, настоящая!

А Зина стояла у самыхъ дверей и даже головы не поднимала отъ смущенія. Старушка пришла къ ней на выручку.

— Ты погоди, Валя,—сказала она, подходя къ Зинѣ,— дай ей раздѣться, покушать, а потомъ ужъ и будешь кричать. Съ непривычки-то она даже перепугалась. Тебя какъ зовутъ, дѣвочка, Зиной? Ну, вотъ и хорошо. Раздѣвайся-ка, Зина, дай я тебѣ помогу.

А Валя, громко смѣясь, уже рассказывалъ, какъ Зина приняла его за разбойника.

— Вѣдь ни за что не хотѣла пускать!. Хорошо, что дворникъ помогъ.

— Ну еще бы тебя не испугаться!—смѣялась старушка, усаживая дѣвочку за столъ.—Вѣдь сколько разъ просила: обстриги волосы. Положимъ, художникъ, а все-таки нехорошо въ столицѣ такимъ Авессаломомъ ходить.

— Ничего, пускай привыкаетъ къ художникамъ,—смѣялся въ отвѣтъ Валя.—Вѣдь она и сама художница. И открылось это, пока она прихорашивалась, кофточку мѣняла, пелеринку, фартукъ. Попалась мнѣ на глаза синяя тетрадка... И что я въ этой тетрадкѣ, мамаша, увидалъ, что увидалъ! Какая тамъ куриная слѣпота! Вы непременно все посмотрите. И все съ натуры. Это видно. А вотъ и фантазія: лебеди или ангелы—разобрать ужъ мудрено.

— Это я съ окошка,—робко оправдываясь, вставила Зина.—Темно уже было. Всего не разглядѣла.

Да отлично, отлично! Я эту тетрадку у тебя отберу. Покажу товарищамъ. Мы тебя непременно учить будемъ. Скажи, хочешь ты, Зина, работать, по настоящему работать, во всю?

— Валя, дай ей поѣсть,—унимала сына Марина Васильевна.—Оглушилъ ты дѣвочку. Ты только взгляни на нее. Зина сидѣла, какъ во снѣ и улыбалась, какъ улыбаются свѣтлому сну.

Невиданная комната, и бѣленькая старушка, господинъ съ длинными волосами, и стѣны какія то живыя. Смотрять съ этихъ стѣнъ и люди, и цвѣты и деревья...

А это что?

На верхушкѣ елки выше всѣхъ розъ — золотые цвѣты. Ихъ повѣсилъ художникъ, только она не замѣтила, когда онъ это сдѣлалъ.

— Вотъ твоя куриная слѣпота, Зина! Видишь? Точно кусочекъ солнца.

— Вижу, вижу!—Уже звонко и радостно кричитъ Зина. И лицо у нея свѣтлое, щеки порозовѣли, глаза блестятъ.

— Надо гостѣ дать подарокъ съ елки. А только что дать — не знаю,—вслухъ соображаетъ Валя, оглядывая комнату, и вдругъ кричитъ:—Придумалъ!—Онъ роется на письменномъ столѣ и подходитъ къ дѣвочкѣ съ желтымъ неочиненнымъ карандашемъ.

— Вотъ тебѣ, отличный карандашъ, номеръ второй. Самый для тебя подходящій подарокъ. И какъ въ средніе вѣка посвящали въ рыцари ударомъ меча, такъ я посвящаю тебя въ художницы передъ елкой.

И онъ шутя ударилъ дѣвочку три раза карандашемъ. Зина вскочила со стула и присѣла, какъ учила ее мадамъ Генріэтта и сказала, какъ тоже ее учили въ мастерской, мерсі. Вышло ужасно смѣшно. Но художникъ вдругъ сдѣлалъ серьезное лицо и произнесъ:

— А теперь еще разъ скажи мнѣ, Зина, будешь ты учиться? Будешь работать? Обѣщаешь?

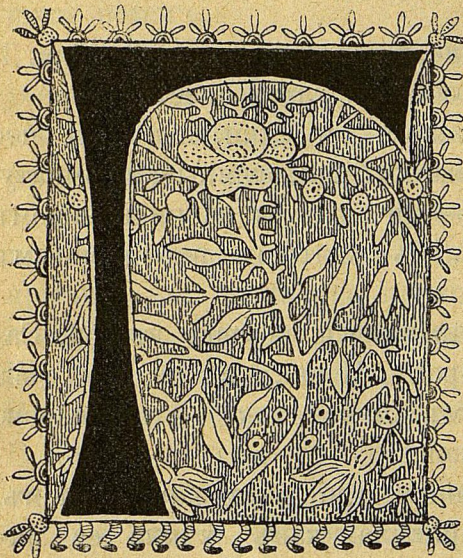
И она, тоже съ серьезнымъ лицомъ, отвѣтила:

— Буду. Обѣщаю.

Въ этотъ вечеръ все можно было обѣщать, даже самое невозможное, потому что это былъ чудесный вечеръ, точно въ сказкѣ. Лампу потушили, горѣли только свѣчи на елкѣ, да звѣзды заглядывали въ широкое окно мастерской, а на нихъ съ елки однимъ золотымъ глазкомъ глядѣла куриная слѣпота.

Н. Манаскина.

У Младенца—Иисуса.

ОРЯЧЕЕ, будто весеннее, солнце, яркое голубое небо надъ дворцами и развалинами Вѣчнаго города *). Не вѣрится, что декабрь, что Рождество. На улицахъ Рима праздничная суeta. Всѣ работы кончены, наступилъ отдыхъ. Городскіе жители цѣлыми семьями отправляются за городъ. Знаменитыя виллы Боргезе и Пинчіо всѣ въ зелени деревьевъ. Эти деревья не сбрасываютъ листьевъ и зимою.

Я иду по улицамъ. Мимо мелькаютъ переполненные электрическіе трамваи. Разными закоулочками дохожу я до огромной

*) Такъ называютъ Римъ.

лѣстницы Капитолія. За нею площадь, среди которой возвышается колоссальная конная статуя римскаго императора Марка-Аврелія. По бокамъ лѣстницы пальмы, магноліи съ глянце-витыми листьями. Я не всхожу на лѣстницу Капитолія, а иду на другую, рядомъ. Лѣстница еще выше, въ 124 ступени. Она ведетъ въ древній храмъ „*Санта Марія Арачіоли*“ *).

Въ рождественскіе праздники она кишмя-кишитъ дѣтворой и торговцами. На почернѣлыхъ отъ времени ступеняхъ разставленъ и разложенъ незатѣйливый товаръ: дешевыя дѣтскія игрушки и книги. Товаръ неказистъ, но дѣти не прихотливы, и онъ имъ нравится. Они съ радостью хватаются за оловянные дудки, разноцвѣтные шары, ярко-раскрашенные часы и за неуклюжихъ свинокъ и лошадокъ.

Толпа шумитъ, торговцы выкрикиваютъ свой товаръ, дѣти визжать и смѣются. Я всхожу на лѣстницу и прямо съ яркаго солнца попадаю въ полумракъ огромнаго, древняго храма. Переходъ такъ рѣзокъ, что сначала ничего не видишь. Только черезъ минуту, привыкнувъ немного, замѣчаешь высокій, расписной потолокъ, непрерывный рядъ колоннъ. Этихъ колоннъ въ храмѣ двадцать двѣ и всѣ онѣ разныя. По обѣимъ сторонамъ храма идутъ алтари, и надъ ними прекрасные образа великихъ, старинныхъ мастеровъ. Но сегодня не придется разсматривать эти образа. Сегодня надо идти въ придѣлъ Св. Дѣвы съ Младенцемъ Иисусомъ, гдѣ устроенъ большой „вертепъ“. Онъ освѣщенъ яркимъ свѣтомъ, который бьетъ сверху, гдѣ парятъ фигуры ангеловъ и Бога Вседержителя. Внизу фигуры, въ натуральную величину, Св. Дѣвы Иосифа, пастырей, царей и волхвовъ, пришедшихъ поклониться

*) Это названіе происходитъ отъ двухъ словъ: Ага Соели, что значитъ небесный алтарь.

Святому Младенцу (Santo Bambino). Онъ въ ясляхъ, прикрытый великолѣпнымъ одѣяніемъ.

Безчисленная толпа унижаетъ рѣшетку, отдѣляющую красивый вертепъ отъ храма. Она все увеличивается, шумная, говорливая. Множество дѣтей, и мальчиковъ, и дѣвочекъ всѣхъ возрастовъ. Маленькіе съ любопытствомъ тянутся къ Santo Bambino. Но вотъ, по храму пронеслась звонкая дѣтская рѣчь. Толпа всколыхнулась и бросилась къ противоположному концу храма, къ маленькой каедрѣ, къ которой ведетъ узкая лѣсенка. По ней уже топотали дѣтскія ножки и дѣтвора, — и нарядная и просто одѣтая, — весело взбиралась на каедру, готовая произносить рѣчи и стихи въ честь Младенца - Іисуса. Эти рѣчи и стихи заучиваются задолго до праздника и произносятся въ этомъ храмѣ ежедневно, съ 3-хъ до 4-хъ часовъ пополудни, всѣми желающими, съ перваго дня Рождества и до Крещенья. Слушатели сходятся толпами. Всѣмъ интересно послушать маленькихъ ораторовъ. Говорятъ больше дѣвочки, часто совсѣмъ каплюшки.

Вотъ изъ толпы выдвинулась впередъ одна, лѣтъ семи, въ простенькой синей кофточкѣ и такой же, поношенной, шапочкѣ. Повидимому, она изъ семьи ремесленника. Она совсѣмъ не конфузится: бойко блестя черными глазками и привѣтливо улыбаясь, начинаетъ свою рѣчь, молитвенно простираетъ ручки къ прославляемому ею Младенцу-Іисусу и удаляется, при громкомъ одобреніи публики. А на смѣну ей появляется каплюшка лѣтъ четырехъ въ красномъ бархатномъ пальто и большой шляпѣ, съ пышными бѣлыми перьями. Она конфузится и начинаетъ бормотать что то невнятное.

— Громче! — строго кричитъ изъ толпы дама въ черной кружевной накидкѣ. Дѣвочка немного возвышаетъ голосъ, но

совсѣмъ теряется. Ей подсказываютъ сзади, и она машинально, уже безо всякаго чувства, повторяетъ слова своихъ стиховъ и также конфузливо скрывается въ толпѣ дѣтей, уступая мѣсто дѣвочкѣ лѣтъ двѣнадцати, скромно, но чисто одѣтой, стройной и граціозной.

Эта дѣвочка вполнѣ ораторша или даже будущая драматическая актриса. Лицо у нея блѣдное, съ большими темными глазами. Она смотритъ вверхъ съ вдохновеннымъ выраженіемъ, будто не замѣчая толпы, слова у нея такъ и льются. Словами и красивыми молитвенными движеніями прославляетъ она Младенца-Исуса. Публика въ восторгѣ. Изъ толпы громко раздается:

„Bravo!“— „Che carina!“ (какая миленькая). Иные даже аплодируютъ. Ораторша присѣдаетъ и передъ Святымъ Бамбино, и передъ восторженной толпой; а на смѣну ей уже являются двѣ небольшія дѣвочки. Онѣ разыгрываютъ цѣлую сценку, посвященную торжеству. За ними являются другія,— маленькія, побольше, еще и еще.

Одна каплюшка совсѣмъ сконфузилась: очутившись передъ публикой, начала съ того, что разинула крошечный ротикъ, высунула ярко-красный язычекъ и въ недоумѣніи вытаращила свои, и безъ того огромные, глаза. Постоявъ въ такой позѣ, подъ смѣхъ безпощадной толпы, она кончила тѣмъ, что исправно разревѣлась и была какими-то сильными руками снята съ каѳедры черезъ низкія перила. Вслѣдъ за этимъ дѣвочка лѣтъ семи или восьми, смѣло, даже стремительно выйдя впередъ, вытаращила за собою сестру лѣтъ трехъ и, указывая ей на Младенца-Исуса, начала съ убѣжденіемъ и жаромъ рассказывать ей о томъ, что этотъ святой Бамбино родился для ихъ спасенія. Въ полномъ экстазѣ бросалась она на колѣни, стараясь внушить то-же и сестренкѣ. Но та ни-

какъ не могла преисполниться благоговѣнія, и, очутившись у рѣшетки, схватилась за нее рученками и, что-то бормоча, умильно улыбалась и топотала крошечными ноженками въ спущенныхъ чулочкахъ и стоптанныхъ башмаченкахъ.

Въ главномъ ярко-освѣщенномъ придѣлѣ раздался колокольчикъ, возвѣщавшій начало вечерней службы „Ave Maria“. Потянулся рядъ духовенства въ праздничномъ бѣломъ одѣяніи; загремѣлъ органъ. Цѣлыя облака кадильнаго дыма понеслись къ величественнымъ сводамъ храма; и вмѣстѣ съ нимъ туда же взвились, на тонкихъ бичевочкахъ, пущенные дѣтьми красные и зеленые шары. Напѣвъ органа и голоса маленькихъ ораторовъ временами заглушались рѣзкими звуками мѣдныхъ дудокъ, въ которыя безцеремонно, никѣмъ не останавливаемые, дули во всю мочь черноглазые мальчуганы. Но вотъ, дѣтскіе рѣчи на каѳедрѣ стали затихать. Погасли огни на главномъ алтарѣ. Смолкли звуки органа. Толпа начала расходиться.

Я пошла за нею.

Выйдя изъ храма христіанскаго, я очутилась передъ развалинами древняго языческаго Рима.

Вправо отъ меня возвышался холмъ *Палатина*, весь покрытый развалинами дворцовъ римскихъ императоровъ, цезарей, съ остатками мозаичныхъ половъ и мраморныхъ жертвенниковъ. А прямо высился темный *Колизей*.

Это огромный амфитеатръ. Онъ былъ построенъ черезъ 80 лѣтъ послѣ Рождества Христова и весь покрытъ мраморомъ. Въ немъ могло помѣщаться болѣе восьмидесяти семи тысячъ человѣкъ. При открытіи его празднества продолжались сто дней, причемъ было затравлено пять тысячъ звѣрей. А потомъ, когда началось гоненіе на христіанъ, звѣриныя побоища и морскія сраженія,—(громадная арена наводнялась пущенной на нее водой), замѣнились травлей христіанъ дикими звѣрями.

Римскій народъ, съ цезаремъ во главѣ, смотрѣлъ на эти травли, какъ на развлеченіе, а христіане умирали въ страшныхъ мукахъ, — даже старики, женщины и дѣти, — но не отрекались отъ своего Христа и отъ ученія Его.

Солнце стояло совсѣмъ низко надъ зданіями и деревьями. Кое-гдѣ перистыя листья пальмъ отчетливо вырѣзывались на блѣднѣющемъ чистомъ небѣ. Изъ ярко-зеленой, короткой травки, пробивавшейся среди развалинъ, глядѣли крупныя бѣлыя маргаритки и желтыя ронункулы. Косые солнечные лучи задрывали еще мѣстами обломки колоннъ, скользили по темной громадѣ развалинъ Колизея. Тихо было кругомъ. Шумная толпа осталась по ту сторону.

А сколько шума и движенія было когда-то и тутъ, на этой площади, въ этихъ дворцахъ! Какъ яростно кричала дикая толпа, какъ страшно рычали звѣри и стонали умирающіе христіане!

И все смолкло. Лишь не смолкло слово вѣчной любви, за которую умирали на аренѣ Колизея первые мученики.

С. Лаврентьева.

Новогодній подарокъ.

У ТРОМЪ 1-го января господинъ Шантерель вышелъ изъ своего дома въ одной изъ улицъ Парижа. Онъ былъ зябкій и ходилъ съ трудомъ, такъ что ему чегонибудь да стоило итти въ холодъ по улицамъ среди слякоти растаявшаго снѣга. Карету свою онъ оставилъ дома, желая подвергнуть себя лишенію: послѣ послѣдней своей болѣзни онъ сталъ часто подумывать о спасеніи души. Онъ жилъ вдали отъ веселаго общества своихъ знакомыхъ и никого не посѣщаль,

кромѣ своей племянницы, барышни де-Дусинъ, семи лѣтъ. Опираясь на свою трость, онъ съ трудомъ добрался до улицы Сентъ-Онорэ и вошелъ въ лавку госпожи Пэнсонъ подъ вывѣской „Цвѣтущая корзина“. Тамъ были разложены въ большомъ количествѣ дѣтскія игрушки для подарковъ на новый 1696 годъ. Съ трудомъ можно было повернуться среди заводныхъ танцующихъ куколъ, гнѣздъ съ поющими птицами, комнатъ съ восковыми фигурами и солдатъ въ бѣлыхъ и синихъ мундирахъ, выстроившихся для сраженія. Господинъ Шантерель выбралъ себѣ куклу. Ему понравилась больше всѣхъ одна, одѣтая, какъ Савойская принцесса въ день ея приѣзда во Францію. У нея была прическа съ буклями и лентами, очень тугой корсажъ, вышитый золотомъ, парчевая юбка и тюникъ, подхваченный жемчужными застежками.

Господинъ Шантерель улыбнулся, думая о радости, которую доставить такая великолѣпная кукла барышнѣ де-Дусинъ. Когда госпожа Пэнсонъ протянула ему Савойскую принцессу, завернутую въ шелковую бумагу, веселое выраженіе промелькнуло на его миломъ лицѣ, утонченномъ отъ страданія, поблѣднѣвшемъ отъ поста и похудѣвшемъ отъ страха адскихъ мукъ.

Онъ вѣжливо поблагодарилъ госпожу Пэнсонъ, взялъ принцессу подъ мышку и пошелъ, приволакивая ногу, къ дому, гдѣ, онъ зналъ, его ожидала только что вставшая барышня де-Дусинъ.

На углу улицы Сухого дерева онъ встрѣтилъ господина Спонъ, длинный носъ котораго спускался до самаго кружевного жабо.

— Здравствуйте, господинъ Спонъ,—сказалъ онъ ему,—желаю вамъ счастливаго новаго года и молю Бога, чтобы Онъ исполнилъ всѣ ваши желанія.

— О, не говорите такъ, сударь!—воскликнулъ господинъ Спонъ.—Часто, Господь удовлетворяетъ наши желанія только, чтобы наказать насъ.

— Совершенно вѣрно,—отвѣчалъ господинъ Шантерель,—иногда мы не умѣемъ различить собственной пользы. Я самъ, своей особой могу служить этому примѣромъ. Я думалъ сначала, что болѣзнь, которой я страдаю два года—зло, а теперь я вижу, что она благо, такъ какъ отвлекла меня отъ ужасной жизни, которую я велъ, проводя время на спектакляхъ и въ веселомъ обществѣ. Эта болѣзнь, разбивающая мнѣ ноги и емущающая мой мозгъ, есть великое знаменіи Божіей благости ко мнѣ. Но не окажете ли вы мнѣ, сударь, милость и не придете ли со мною до дома, куда я иду, чтобы отнести новогодній подарокъ моей племянницѣ, барышнѣ де-Дусинъ?

При этихъ словахъ господинъ Спонъ поднялъ руки вверхъ и громко закричалъ:

— Какъ! Господина ли Шантереля я слышу? Не вольнодумецъ ли это какой нибудь? Возможно ли, сударь, чтобы, ведя святой и уединенный образъ жизни, вы вдругъ впали въ мирскіе пороки?

— Увы! Я не думалъ, что впадаю въ порокъ,—отвѣчалъ господинъ Шантерель, весь дрожа.—Но я нуждаюсь, чтобы меня просвѣтили. Развѣ есть какое нибудь зло въ томъ, чтобы подарить куклу барышнѣ де-Дусинъ?

— Есть, и очень большое,—отвѣчалъ господинъ Спонъ.—И то, что вы дарите сегодня этому невинному ребенку, должно быть названо не столько куклой, сколько идоломъ и образомъ дьявола. Развѣ вы не знаете, что обычай дарить новогодніе подарки есть преступное суевѣріе и отвратительный остатокъ язычества?

— Я этого не зналъ,—сказалъ господинъ Шантерель.

— Узнайте же, — продолжалъ господинъ Спонъ, — что этотъ обычай идетъ отъ Римлянъ, которые, видя нѣчто божественное въ каждомъ начинаніи, обожествляли начало года. Слѣдовательно, поступать подобно имъ — значитъ дѣлаться идолопоклонникомъ.

Господинъ Шантерель съ трудомъ держался на ногахъ и попросилъ господина Спона дать ему руку. Они пошли дальше и господинъ Спонъ продолжалъ:

— Отъ того, что астрологи назначили на первое января начало года, вы считаете нужнымъ дѣлать въ этотъ день подарки? И почему вамъ нужно именно въ это число оживлять нѣжныя чувства вашихъ друзей? Развѣ эти чувства умерли вмѣстѣ со старымъ годомъ? И будутъ ли они вамъ дороги, если вы снова ихъ приобрѣтете цѣной лести и гибельныхъ даровъ вашихъ?

— Сударь, — возразилъ добрый господинъ Шантерель, опираясь на руку Спона и стараясь соразмѣрить свой колеблющійся шагъ съ шагомъ своего пылкаго спутника, — сударь, до моей болѣзни я былъ не болѣе какъ несчастный грѣшникъ, заботившійся только о томъ, чтобы вѣжливо обращаться съ моими друзьями и подчинять мое поведеніе правиламъ честности и чести.

Провидѣнію угодно было извлечь меня изъ этой бездны: послѣ моего обращенія я живу, слѣдуя совѣтамъ моего духовника. Но я былъ такъ легкомысленъ и тщеславенъ, что не спросилъ его относительно новогоднихъ подарковъ. То, что вы мнѣ говорите, сударь, смущаетъ меня.

— Да, я смущу васъ, но просвѣщу, не своимъ свѣтомъ, который слабъ, но словами великаго наставника. Сядьте на эту тумбу.

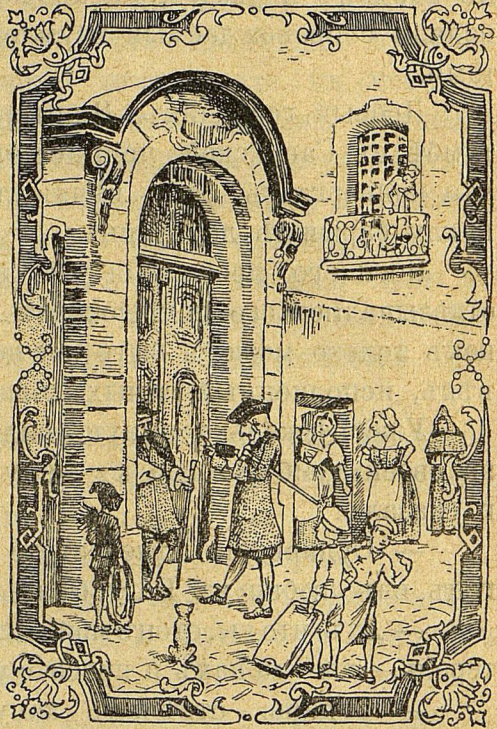
И, толкнувъ въ уголь какихъ-то воротъ господина Шан-

тереля, который тамъ и устроился насколько могъ удобнѣе, господинъ Спонъ вытащилъ изъ кармана книжку, переплетенную въ пергаментъ. Онъ раскрылъ ее, перелисталъ и остановился на слѣдующемъ мѣстѣ, которое и началъ читать вслухъ, окруженный трубочистами, служанками и поварятами, сбѣжавшими на громкій звукъ его голоса:

„Мы усваиваемъ себѣ январскія календы (празднованіе перваго дня мѣсяца у Римлянъ). Новогодніе подарки въ полномъ ходу, они летятъ со всѣхъ сторонъ; повсюду игры и пиршества.

Язычники болѣе соблюдаютъ правила своей религіи; они остерегаются праздновать какой бы то ни было изъ нашихъ праздниковъ, изъ страха показаться христианами, тогда какъ мы не боимся показаться язычниками, празднуя ихъ праздники“.

— Вы слышали?—прибавилъ господинъ Спонъ. Такъ говоритъ Тертуліанъ *) и изъ глубины Африки указываетъ вамъ, сударь, ваше недостойное поведеніе. Онъ кричитъ вамъ: „Новогодніе подарки въ полномъ ходу, они летятъ со всѣхъ

Онъ началъ читать вслухъ, окруженный трубочистами, служанками и поварятами.

*) Знаменитый богословъ, жившій во II вѣкѣ въ Африкѣ и отличавшійся большою строгостью.

сторонъ. Вы празднуете языческій праздникъ“. Я не имѣю чести знать вашего духовника. Но я содрогаюсь, сударь, при мысли о томъ безпомощномъ состояніи, въ которомъ онъ васъ оставляетъ.

Проговоривъ все это, господинъ Спонъ снова сунулъ книгу въ карманъ и ушелъ, шагая порывисто и съ раздраженіемъ, издали сопровождаемый изумленными трубочистами и поварами.

Добрый господинъ Шантерель остался одинъ на своей тумбѣ съ Савойской принцессою въ рукахъ и съ мыслью, что подвергаетъ себя вѣчнымъ мукамъ за то, что даритъ куклу барышнѣ де-Дусинѣ.

Ноги его, дрожавшія уже нѣсколько мѣсяцевъ, совсѣмъ отказывались его поддерживать, и онъ былъ несчастливъ, какъ только можетъ быть несчастливъ на этомъ свѣтѣ чловѣкъ, исполненный самыхъ благихъ желаній.

Уже нѣсколько минутъ сидѣлъ онъ въ полномъ отчаяніи на своей тумбѣ, когда къ нему подошелъ монахъ-капуцинъ и сказалъ:

— Сударь, не пожертвуете ли вы что-нибудь на новый годъ, изъ любви къ Богу, бѣднымъ монашкамъ?

— Ахъ, что вы, отецъ мой!—живо возразилъ господинъ Шантерель,—вы—монахъ и просите у меня новогоднихъ подарковъ!

— Сударь, - отвѣчалъ капуцинъ,—добрый святой Францискъ хотѣлъ, чтобы его дѣти радовались въ простотѣ сердца. Дайте капуцинамъ возможность хорошо поѣсть въ этотъ день, чтобы съ радостью переносить воздержаніе и постъ въ продолженіи всего остального года, за исключеніемъ, конечно, воскресеній и праздниковъ.

Господинъ Шантерель посмотрѣлъ на монаха съ удивленіемъ.

— А вы не боитесь, отецъ мой, что обычай дѣлать новогодніе подарки опасенъ для души?

— Нѣтъ, не боюсь.

— Вѣдь этотъ обычай перешелъ къ намъ отъ язычниковъ.

— У язычниковъ бывали иногда добрые обычаи. Господь допускалъ, чтобы частица Его свѣта проникала сумракъ язычества. Сударь, если вы намъ отказываете въ новогоднихъ подаркахъ, не откажите въ нихъ нашимъ бѣднымъ дѣтямъ. Мы воспитываемъ подкидышей. На малую монетку я куплю каждому изъ нихъ бумажную мельничку и хлѣбную лепешку. Они будутъ обязаны вамъ единственною, быть можетъ, радостью своей жизни, такъ какъ на ихъ долю не отведено много радости въ этомъ земномъ существованіи. Смѣхъ ихъ вознесетъ къ небу. Дѣти, когда смѣются, прославляютъ Творца.

Господинъ Шантерель положилъ свой, довольно тяжелый, кошелекъ въ руку монашка и привсталъ со своей тумбы, шепча только что услышанныя слова:

— Дѣти, когда смѣются, прославляютъ Творца.

Потомъ, съ просвѣтленной душой и болѣе твердымъ шагомъ, пошелъ онъ отнести Савойскую принцессу барышнѣ де-Дусинъ, своей племянницѣ.

Съ французскаго перевелъ А. М.

Воздухоплаваніе.

(Продолженіе).

Управляемые шары-дирижабли.

Въ то время, когда часть людей удивляется и восхищается, глядя на полеты аэроплановъ, другіе думаютъ, что вѣрнѣе и надежнѣе плавать по воздуху при помощи воздушныхъ шаровъ, наполненныхъ легкимъ газомъ. Конечно, тѣхъ шаровъ, которыми человекъ можетъ управлять,—по желанію поворачивать, летѣть впередъ, возвращаться назадъ и останавливаться на любомъ мѣстѣ. А это возможно въ томъ случаѣ, если у шара устроить двигатель, который будетъ мчать этотъ шаръ быстрѣе, чѣмъ вѣтеръ.

Если такой быстроты не будетъ, то вѣтеръ устроитъ себя изъ шара игрушку: „Понесутъ его вѣтры буйные во всѣ стороны свѣта бѣлаго“.

Имѣть такого непостояннаго хозяина, какъ вѣтеръ, люди нашли опаснымъ и задались цѣлью сдѣлаться сами хозяевами вѣтра. Стало ясно, что надо устроить такой шаръ и при немъ такую машину, чтобы и безъ вѣтра и при вѣтрѣ можно было плавать безъ боязни по намѣченному пути.

Послѣ долгихъ пробъ и опытовъ люди опредѣлили, что *форма* воздушнаго шара должна быть *удлиненная* съ заостренными концами, и притомъ—вдоль въ десять разъ длиннѣе, чѣмъ поперекъ. При такой формѣ шара сопротивление воздуха гораздо меньше, и потому шару легче и подниматься въ воздухъ и поворачиваться тамъ. Но это еще не все. Оказывается, газъ въ шарѣ въ верхнихъ слояхъ воздуха расширяется и

такъ растягиваетъ оболочку шара, что она можетъ лопнуть и тогда гибель. И обратно—ближе къ землѣ шаръ можетъ встрѣтиться съ холоднымъ воздухомъ, а отъ этого газъ сжимается, и шаръ можетъ потерять свою форму, перегнуться, покачнуться, перевернуться. Чтобы избѣжать такой бѣды, одинъ нѣмецкій изобрѣтатель графъ Цеппелинъ устроилъ граненый шаръ изъ легкаго металла алюминія и внутри—семнадцать отдѣленій. Такой шаръ не можетъ ни лопнуть, ни перевернуться.

Этого мало: понадобились еще *боковыя горизонтальныя* крылышки—*рули*, чтобы шаръ не очень покачивался сверху внизъ, понадобились *вертикальныя* крылышки—*рули*, чтобы не раскачивался вправо и влево. Эти качанія шара особенно опасны при быстромъ движеніи.

Люди замѣтили, что стрѣла летитъ ровно благодаря перьямъ, придѣланнымъ на концѣ, и что рыба удерживается въ водѣ при помощи плавниковъ хвоста,—и къ шару придѣлали „перья“ или „плавники“ для *устойчивости (стабилизаторы)*.

Подъ шаромъ вѣшаютъ лодку-гондолу (у Цеппелина двѣ) съ *двигателями* (моторами), они приводятъ въ движеніе воздушные винты. Эти то винты, придѣланные по бокамъ шара, и мчатъ гигантскую рыбу по воздуху.

Ихъ два, каждый съ тремя лопастями.

Шары эти съ твердой оболочкой такъ и называются „Цеппелинами“ по имени изобрѣтателя. Совершивъ нѣсколько удачныхъ путешествій, Цеппелинъ объявилъ лѣтомъ 1909 г., что въ извѣстный день и часъ прибудетъ на своемъ шарѣ въ въ столицу Германіи, Берлинъ.

Германія всполошилась,

Люди тѣхъ мѣстностей, надъ которыми долженъ былъ пролетать Цеппелинъ, въ ожиданіи зрѣлища не спали ночи, выходили

въ поля, на открытыя мѣста, стояли часами, поднявъ голову кверху, боясь пропустить. Головы и шеи уставали отъ непривычнаго положенія, поэтому нѣкоторые заказали себѣ подпорки подъ головы въ видѣ рогатки, или ухвата и опирали на нихъ голову. Сидѣли и ждали, цѣлыми часами, кое чѣмъ

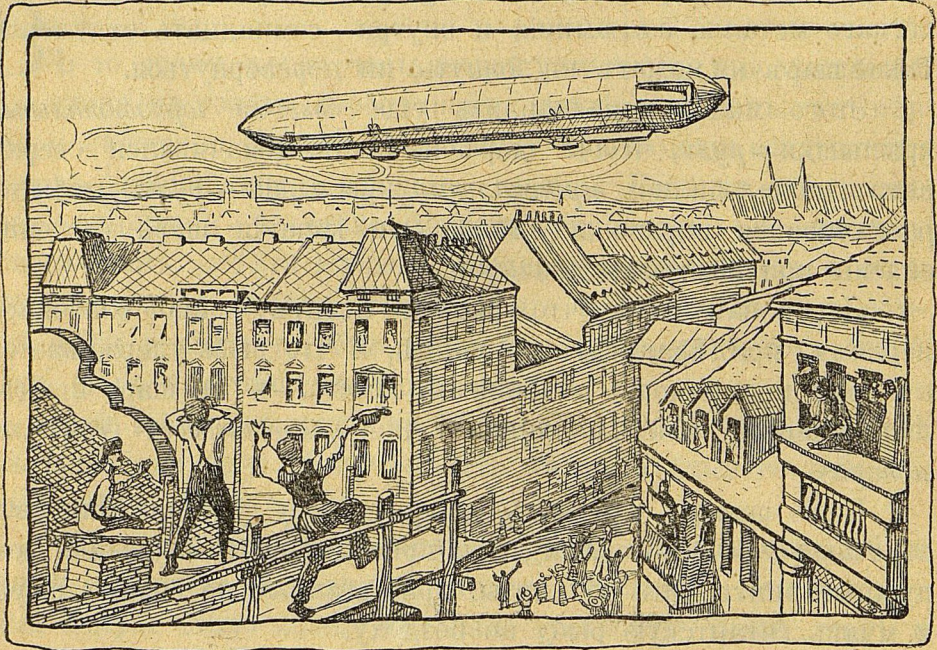

Рис. 1.

утоляя голодь. Такъ хотѣлось своими глазами увидѣть то невѣроятное, что можетъ нашу жизнь превратить въ сказку.

А Берлинъ ждалъ „свою славу“ Цеппелина за городомъ, на ровномъ полѣ. Собралось около 200 тысячъ человекъ—и дѣти изъ школъ, и войска, и ученые, и любопытные, и самъ императоръ Вильгельмъ со всей свитой—все ждали появленія сверкающаго граненаго воздушнаго гиганта. Черезъ каждыя

четверть часа приносили телеграммы съ извѣстіемъ, что летитъ надъ такимъ то городомъ, потомъ надъ слѣдующимъ... Радостная вѣсть сразу разносилась по ожидающей съ нетерпѣніемъ толпѣ. Но вотъ, на горизонтѣ появилось бѣлое пятно, которое быстро увеличивалось и несло на Берлинъ. Это былъ *онъ*. Пролетѣлъ надъ городомъ (рис. 1) гигантъ и тихо опустился передъ толпой на приготовленномъ полѣ.

Толпа отъ удивленія и восторга кричала, какъ одинъ человѣкъ,—всѣ, кто только могъ, жаль руки изобрѣтателю, не находили достаточно словъ, чтобы выразить свое восхищеніе.

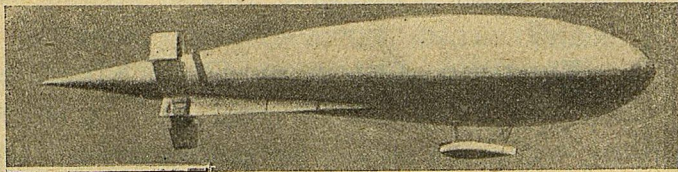

Рис. 2.

Черезъ нѣсколько часовъ шаръ отправился назадъ къ себѣ домой въ Фридрисхагенъ.

Но такіе шары стоятъ больше милліона рублей, а газъ для каждаго полета—нѣсколько тысячъ рублей.

Полобные расходы многихъ пугаютъ, поэтому этихъ управляемыхъ шаровъ—гораздо меньше, чѣмъ аэроплановъ, которые стоятъ тысячъ пять—шесть.

Въ Италіи недавно появился дирижабль (управляемый шаръ) новаго вида: онъ похожъ на длинный огурецъ съ заостреннымъ концомъ; форма такая очень удобна для разрѣзанія воздуха при полетѣ. Покрываетъ онъ мягкою непромокаемою тканью, которая обсыпана аллюминіевымъ порошкомъ. Въ ясный солнечный день этотъ дирижабль имѣетъ серебристый отбѣ-

нокъ (рис. 2). Полеты его были очень удачны, и теперь въ Италіи строятъ нѣсколько подобныхъ шаровъ.

Всѣ страны охвачены мыслью изобрѣтенія воздухоплавательныхъ аппаратовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изобрѣтаютъ новые виды, въ другихъ подправляютъ тѣ, которые уже существуютъ.

Успѣхъ нѣкоторыхъ заразилъ всѣхъ и теперь и старь, и младь усердно изучаютъ науки, которыя могутъ помочь въ этомъ дѣлѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Картина „Свѣтъ въ Египтѣ“.

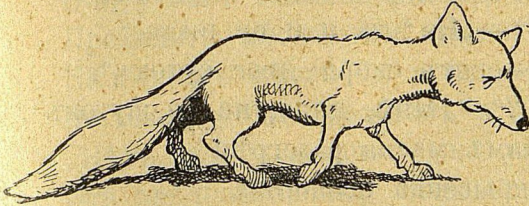
Когда Продъ, испуганный вѣстью, что родился истинный царь іудейскій, приказалъ убивать всѣхъ новорожденныхъ мальчиковъ, Божія Матерь съ Младенцемъ-Христомъ и Іосифъ бѣжали въ Египетъ. На картинѣ англійскаго художника, Эрика Рэя, изображенъ ночлегъ бѣглецовъ въ пустынѣ, у подножія Сфинкса. Еще въ глубокой древности существовало сказаніе о Сфинксѣ, необыкновенномъ существѣ съ головою человѣка на туловищѣ льва. Это существо, слышавъ шаги путника, выходило изъ своей пещеры и всѣмъ задавало необычайно трудныя загадки. Всѣхъ, кто не могъ разгадать загадокъ, Сфинксъ тотчасъ же разрывалъ когтями и пожиралъ. Этого Сфинкса любили изображать древніе Египтяне. Изъ камня высѣкали они огромныя фигуры львовъ съ человѣческими головами и ставили ихъ на рубежѣ своей пустыни. Вотъ у такого-то Сфинкса и остановились на ночлегъ утомленные путники. Ночь. Кругомъ безконечныя пески. Чуть дымится догорающій костеръ. Спитъ на землѣ усталый Іосифъ. Здѣсь же разсѣдланый осликъ пощипываетъ колючую травку. А между лапами Сфинкса пріютилась Мать съ Младенцемъ. Свѣтъ, исходящій отъ Христа, озаряетъ часть пустыни и каменное лицо древняго чудовища. Сфинксъ улыбается. Онъ дождался небывалаго чуда: доврчиво и спокойно спитъ между его страшными лапами Младенецъ, которому суждено разгадать всѣ темныя и трудныя загадки. Онъ разгадаетъ ихъ однимъ словомъ, и слово это—любовь.

Жизнь Хитролиса.

Приключение первое.

Три окорока господина Изенгрина.

ОДНАЖДЫ Хитро-
лисъ шель утрен-
ней порой,

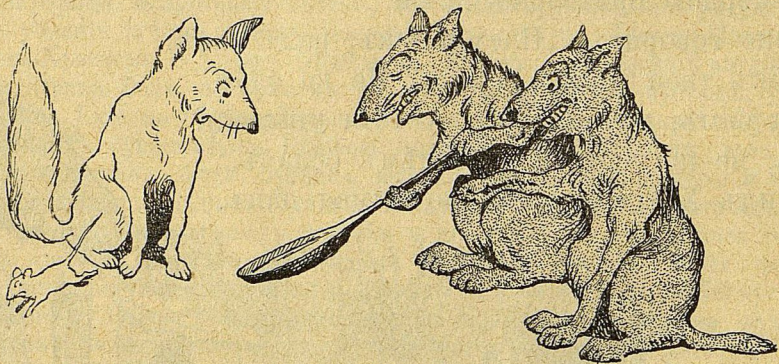
Къ сосѣду-волку шель голодный, и печальный.
Хвостъ—внизъ, шерсть тусклая, а самъ такой худой.
Волкъ Хитролису родственникъ былъ дальній.

Пришелъ. Въ чемъ дѣло—понялъ волкъ.
Волчицу подъ бокъ толкъ!

И съ мордою притворно-милой,
Любезно говорить: „Племянникъ, радъ тебѣ!
Ну, какъ твои дѣла? Усталъ? Не по себѣ?
Скажи намъ, почему видъ у тебя унылый?
„О да, не по себѣ, и я совсѣмъ ослабъ,“
Отвѣтилъ Хитролисъ. Не поднимая лапъ,

Онъ въ домикъ волка вползъ, усѣлся, оглядѣлся.
Вечинный окорокъ на потолкѣ виднѣлся,
За нимъ еще другой и третій. Стройно, въ рядъ
Они душистые и сочные висятъ.
Волкъ, взгляды его поймавъ, участливо спросилъ:
„А ты не завтракалъ?“— „Не ѣлъ я и не пилъ,“
Отвѣтилъ Хитролисъ,— „вотъ скоро двое сутокъ“.
„Да ты не шутишь ли?“— „Мнѣ, дядя, не до шутокъ“.
„Ну, Жиремонда, ты намъ масла разогрѣй
И сжарь племяннику крысенка поскорѣй.
Ты церемониться напрасно-бъ съ нами сталъ:
Самъ видишь: разъ глотнуть, крысенокъ очень малъ“.
А Хитролиса и смущало,
Что волкъ давалъ ему такъ мало.

Прекрасный окорокъ дразнилъ воображенье;
Его попробовать, вотъ было-бъ наслажденье!
Взоръ къ потолку поднявъ и сморщивъ носъ слегка:
„Ужъ больно хороши у васъ окорока“,

Промолвилъ онъ, слюну обильную глотая.

„Да, очень недурны“, хвастливость не скрывая,
Отвѣтилъ Изенгринъ. „Но слишкомъ близко
къ входу

Они у васъ висятъ: здѣсь всякаго народу
Проходитъ множество: всѣхъ голодъ одолѣлъ.
На вашемъ мѣстѣ бы я поскорѣй ихъ съѣлъ.
На славу всѣмъ роднымъ я далъ бы угощенье!“

„Нѣтъ, для домашняго они употребленья
Всѣ предназначены,“ волкъ сухо отвѣчалъ.

„Такъ я бы спряталъ ихъ, а самъ бы
закричалъ,

Что воры наглые всю ветчину украли,
И кушалъ бы ее безъ страха и печали“.

„О чемъ тутъ толковать? Вѣдь мой запасъ

ветчинный,

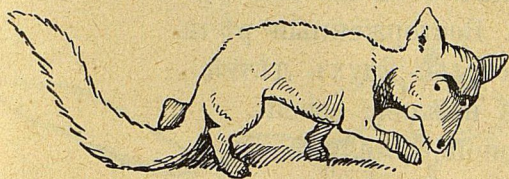
Я самъ его и съѣмъ, а страхъ твой —

безпричинный“.

Ни слова Хитролись на это не сказалъ.

Крысенка тощаго уныло
догладалъ

И съ грустною мечтой о
вкусномъ, сочномъ мясѣ,
Хвостъ жалко опустивъ,
побрелъ онъ во свояси,

Но въ жизни Хитролись не стерпитъ неудачи:

Привыкъ онъ разрѣшать труднѣйшія задачи

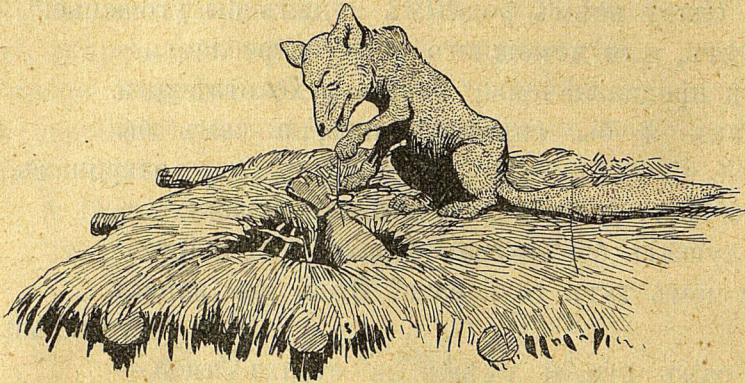
И на другую ночь, незримый, втихомолку

Тропою темною пошелъ онъ прямо къ волку.

Какая тайная и важная причина

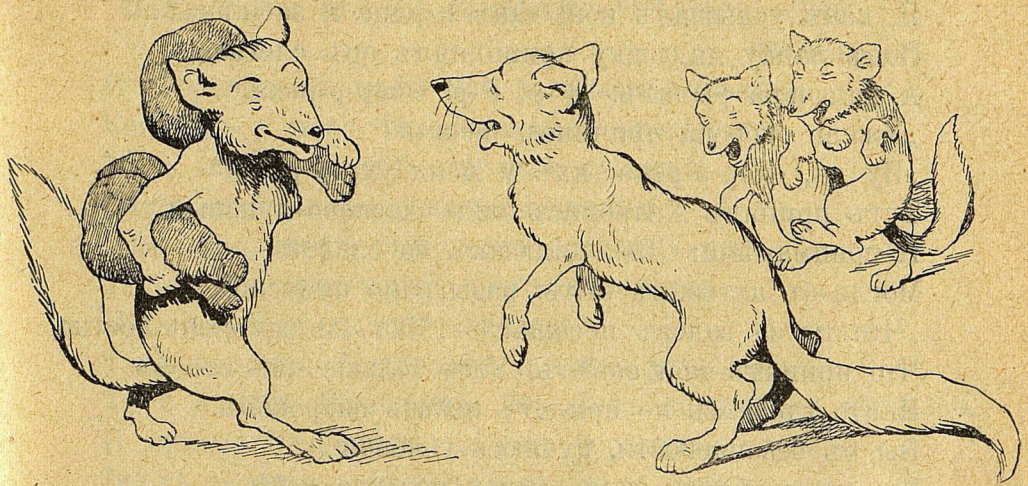
Влекла его опять къ жилищу Изенгринна?

Конечно, ветчина. Стараясь быть потише,
Полѣзъ на домикъ онъ, тамъ сѣлъ на плоской
крышѣ,
Продѣлалъ въ ней дыру, снялъ петли съ потолка,
— И вылѣзли на свѣтъ ночной окорока.

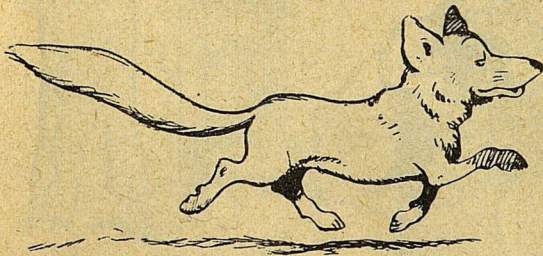

Добычу вкусную взваливъ себѣ на плечи,
Онъ поспѣшилъ домой. Восторженныя рѣчи
Его тамъ встрѣтили жены и двухъ дѣтей.
Съ душою преданной и нѣжною своею
Была супругою примѣрною Эрмелина.
Счастливая семья: два маленькіе сына
Родителей своихъ плѣняли духъ и взоръ.
Былъ старшій—Худородъ, меньшей—Сверлизаборъ.
Разрѣзанъ окорокъ, и началась потѣха.

Какъ много было тутъ веселыхъ шутокъ, смѣха!
Всѣ вволю кушали, всѣ были рады, сыты.
Печаль минувшихъ дней и голодъ—позабыты.

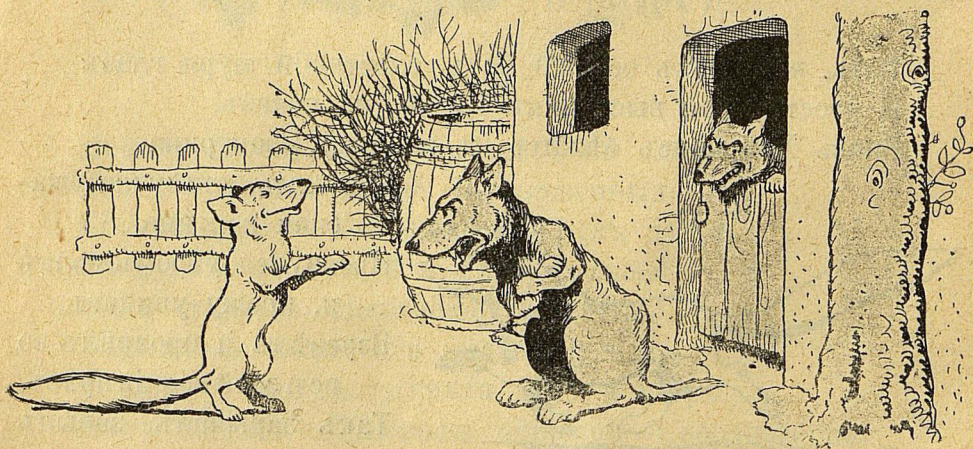
Вотъ, вздернувъ острый носъ, блестящій шуря глазъ
И хвостъ свой выставивъ трубою на показъ,
Вновь Хитролись бѣжить къ жилищу Изенгриня.

Его тамъ встрѣтила ужа-
сная картина:
Проснулся утрюмъ волкъ
и, кражу увидавъ,
Взревѣлъ и проявилъ во
всю свой волчій нравъ.
Такъ зарычалъ, завылъ
протяжно, страшно,
злобно,

Что задрожалъ весь лѣсъ. „Ахъ, дядя, неудобно
Лежать такъ на землѣ, привстаньте!“ — говорилъ

Съ участьемъ Хитролисъ. „Не надо тратить силъ
На гнѣвъ. Скажите мнѣ, да что у васъ случилось?
Я, какъ услышалъ вой, такъ сердце и забилося“.
Подъ лапку дядюшку приподнял онъ слегка.
А дядюшка рычалъ: „Р-р! Р-р! Окор-р-рока!“
„Ужель окорока причиною печали?“
„Ну да, окор-р-рока: ихъ у меня укр-р-рали!“
Тутъ принялъ Хитролисъ видъ ласково-лукавый
И понимающій: „Вы, дядюшка, со славой
Могли-бъ актеромъ быть: разыграно чудесно!“
„Что ты за вздоръ несешь?“ — „Мнѣ, дядя, очень лестно,
Что принять мой совѣтъ. Ужъ больше изъ воровъ
Никто къ вамъ не придетъ искать окороковъ.
Вы въ безопасности, ручаюсь головой.
Кто не повѣритъ вамъ, такой услыша вой!“

Несчастный Изенгринъ ужасно разозлился,
Такъ зарычалъ, что чуть совѣмъ не подавился.

На выручку ему пришла его жена:

„Какъ дурно, Хитролисъ“,—промолвила она,
„Надъ тѣмъ, что мы въ бѣдѣ,—смѣяться, зубы
скалить.“

И огорченныхъ насъ еще насмѣшкой жалить.

Когда-бъ у насъ теперь висѣлъ окорочекъ,

Вѣдь мы бы и тебѣ отрѣзали кусокъ“.

„Ахъ, тетя милая, ужасно я жалѣю:

Вамъ раньше-бъ выполнить блестящую идею,

Теперь же предстоитъ починка потолка

И не вернете вы свои окорока“.

Такъ молвилъ Хитролисъ и тонко улыбался.

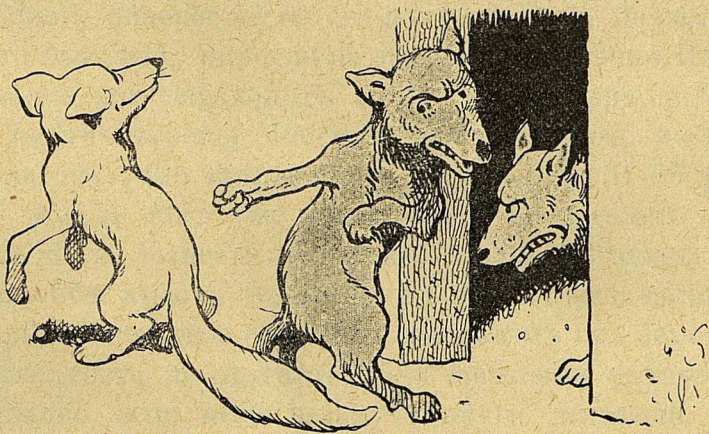
Тутъ понялъ Изенгринъ, что Лисъ надъ нимъ смѣялся.

И мрачно прорычалъ: „Пусть бережется воръ!

Вездѣ за нимъ слѣдить я стану съ этихъ поръ.

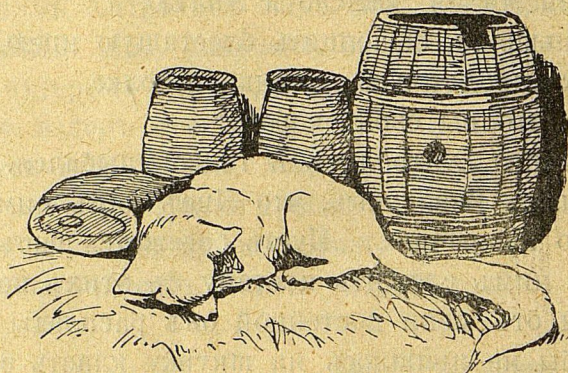
Дождется отъ меня достойной онъ расплаты

И какъ бы не пришлось на шкурку класть заплаты!“

Послушалъ Хитролисъ, смѣшокъ свой пряча въ лапку,
И повернулъ домой. Тамъ сѣна взялъ охапку,
Улегся, пользуясь полдневной тишиной,
И вспоминалъ сквозь сонъ про подвигъ свой ночной.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Вѣсти отовсюду.

Почтальонъ Аляски. Ни одинъ почтальонъ въ мірѣ не получаетъ такъ много, какъ въ „Золотой странѣ“ — Аляскѣ. Тамъ за каждое доставленное письмо даютъ 30 рублей. Плата для почтальона небывалая, но и трудъ его тоже необычайный. Съ ноября Аляска уже отрѣзывается отъ остального міра льдами, снѣгами и ужасающей стужей. Придетъ послѣдній пароходъ, и все кончено. Люди, добывающіе золото, а иногда уже и нажившіе несмѣтное богатство, лишены того, что имѣютъ даже бѣдняки и безъ чего трудно жить: они не получаютъ вѣстей отъ своихъ близкихъ и сами не могутъ имъ ничего послать.

Но вотъ является почтальонъ. Это бываетъ не такъ часто, и о томъ, что онъ отправляется, извѣщаютъ задолго до дня его отправки. Одѣтый эскимосомъ, онъ зашиваетъ въ шубу всѣ письма. Въ рукахъ отъ страшной стужи ничего нельзя нести.

За плечами у него мѣшокъ съ провизіей, для обороны отъ нападеній—револьверъ. И такъ онъ идетъ черезъ снѣга и льды. Много опасностей на его долгомъ пути, но самое страшное—это быстрыя, никогда не замерзающія рѣчки. Ихъ онъ переплываетъ или переходитъ вбродъ. Итти приходится больше двухъ тысячъ верстъ. Многіе гибнутъ въ пути, но вернувшася благополучно встрѣчаютъ, какъ героя. И 30 рублей за письмо это не такъ уже много, если представить себѣ, что долженъ былъ вынести человекъ, чтобы доставить почту.

Просьба книги. Въ Америкѣ на многихъ дѣтскихъ книгахъ приклеено такое обращеніе къ дѣтямъ отъ самой книжки:

Пожалуйста не трогайте меня грязными руками, мнѣ будетъ стыдно, если меня возьмутъ другіе читатели.

Не пачкайте меня перомъ и карандашемъ—это такъ некрасиво. Не кладите меня раскрытой на столъ лицомъ внизъ, не бросайте меня на полъ: и Вамъ не понравилось бы, если бы съ Вами такъ обращались.

Не оставляйте во мнѣ ни карандаша, ни ручки, ничего толстаго, отъ этого разорвется корешокъ. Если Вы кончили читать и боитесь потерять мѣсто, гдѣ остановились, то не дѣлайте знака ногтемъ, и не заворачивайте уголокъ моего листика некрасивымъ ухомъ, а вложите въ меня хорошенькую закладку, чтобы я могла удобно и спокойно отдохнуть.

Не забывайте, что, послѣ того, какъ Вы прочитали, мнѣ придется побывать у другихъ читателей. Помогите мнѣ остаться свѣжей и чистой.

Не забывайте того, что я Вамъ рассказала.

Нежданная весна. Этой зимой въ Крыму настоящая весна. Яркое солнце, синее небо, синее море и такъ тепло, какъ бываетъ у насъ на сѣверѣ въ юнѣ. Поля стоятъ покрытыя свѣжей зеленой травой, деревья разлиствились.

Самыя холодныя мѣста на земномъ шарѣ. Можно думать, что холоднѣе всего на полюсахъ, такъ какъ они всего дальше отъ экватора, но одинъ путешественникъ, побывавшій на южномъ полюсѣ не записалъ холода выше 64°, а Нансенъ, нѣсколько разъ зимовавшій за полярнымъ кругомъ, не испыталъ мороза, превышающаго 53°. У насъ же въ Якутской области въ городѣ Верхоянскѣ 15-го Января 1805 года термометръ упалъ почти до 70°. Такого мороза не бывало еще никогда и нигдѣ на цѣломъ свѣтѣ. Случай этотъ доказываетъ, что температура зависитъ не только отъ близости къ экватору или отдаленности отъ него, но также и отъ другихъ причинъ: отъ вѣтра, чистоты воздуха и многого другого.

Почта „Тропинки“.

Письмо третье.

М. Г. Господинъ Редакторъ!

Пишу вамъ одинъ свой стихъ и прошу пропустить. Мнѣ сейчасъ 13 лѣтъ и я ученикъ желѣзно-дорожнаго училища. Стихъ слѣдующій:

Праздникъ.

Отдыхъ отъ работъ всѣмъ
Праздничекъ святой.
Весь народъ окончилъ
Трудъ тяжелый свой.
На праздникъ всѣ люди
Гуляютъ-поютъ,
А въ своихъ избахъ
Бдятъ да и пьютъ.
Гуляетъ собака,
Гуляетъ и котъ:
Разъ праздникъ,
Такъ праздникъ—
Всѣмъ отдыхъ отъ работъ.

Коля Дубининъ.

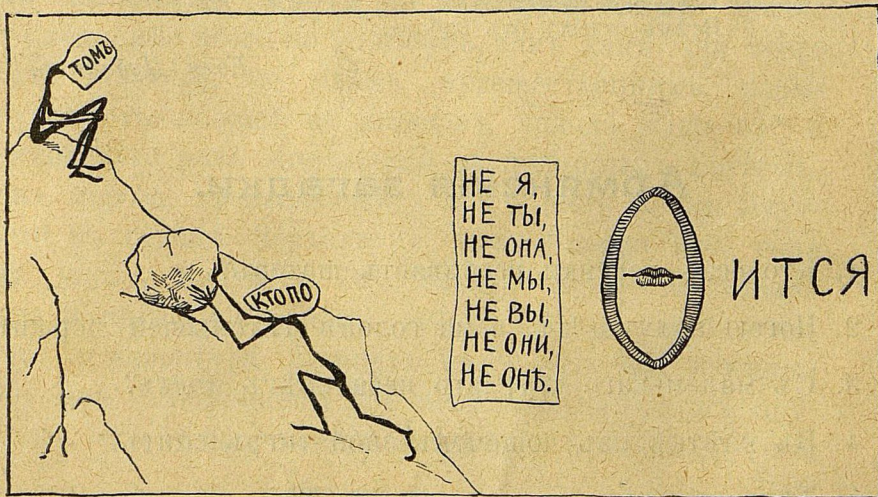
Армянскія загадки.

1. Кто безъ веревки разбиваетъ шатерь?
2. Ногою воду пьетъ, а на головѣ дѣтенышей держить?
3. Съ маленькаго круглаго неба снѣгъ идетъ?
4. Въ клѣткѣ изъ дощечекъ злой тигръ спитъ?
5. Тѣло стеклянное, носъ огненный?

Пословицы Вологодской губернии.

1. Не виновата курочка, что грязна улочка.
2. У сироты возьмешь полушку, — отниметъ Богъ телушку.
3. Не радуйся чужой бѣдѣ, — своя на грядѣ.
4. И одинъ глазъ, да зорокъ, не нужно и сорокъ.
5. Въ полѣ видко, въ лѣсу чутко.
6. Не было-бы снѣгу, не было-бы и слѣду.
7. И криво впрягъ, да поѣхалъ такъ.
8. Пошла баба по масло, а въ печкѣ-то и погасло.
9. Видано — мѣдяно, не видано — красное золото.
10. Всѣ храбры послѣ рати, какъ забьются на полати.
11. Пилъ у друга воду, показалось слаще меду.
12. Большой милостыней въ рай не войдешь.

Ребусъ № 1.

Отъ кохторы редакціи.

Просимъ прочесть непременно.

1. Рукописи, присылаемыя въ редакцію, должны быть четко написаны и снабжены подробнымъ адресомъ автора. Принятые рукописи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются.

2. Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, прилагаютъ 7-ми копеечную марку для отвѣта.

3. Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ редакцію и не позже полученія слѣдующаго №.

Несвоевременныя требованія пропавшихъ №№ редакція удовлетворяетъ не можетъ.

4. Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ редакцію, при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При перемѣнѣ петербургскаго адреса на петербургскій или иногороднаго на иногородный уплачивается 20 коп., а при перемѣнѣ петербургскаго на иногородній или иногороднаго на петербургскій уплачивается 40 коп. До полученія денегъ, контора продолжаетъ высылать журналъ по старому адресу.

5. Допускается разсрочка: при подпискѣ 1 р., и остальныя деньги не позднее 15-го Апрѣля.

6. Желающіе получить рукопись обратно должны присылать почтовыя марки для отсылки рукописи заказной бандеролью. Простой бандеролью или на свой счетъ редакція рукописей не отсылаетъ.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по пятницамъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ.

Условія подписки на 1910 г. на годъ 3 р. съ пересылкой и доставкой.

Открыта подписка на 1910 годъ

на иллюстрированный дѣтскій журналъ

5-й годъ
изданія.

ТРОПИНКА

24 нр.
въ годъ.

Журналъ выходитъ 1 и 15 каждаго мѣсяца въ 2—3 печатныхъ листа и предназначается для дѣтей средняго возраста.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, стихи, театральныя пьесы, статьи научно-образовательнаго характера, ребусы, шарды и загадки.

Въ 1910 году въ „Тропинкѣ“ будетъ напечатано, между прочимъ, слѣдующее:
Зим. Венгеровой „Донъ-Кихотъ“. *З. Н. Гиппиусъ* „Полетѣли“ (о воздухоплаваніи).
Е. П. Иванова „Черный мельникъ“. *П. Инфантеса* „На родинѣ первыхъ людей“.
(Путешествіе двухъ гимназистовъ по Средней Азіи). *И. С. Кондурушкина*
„Сказка о четырехъ вѣтрахъ“. *Кл. В. Лукашевичъ* „Нелюбимая подруга“. *Н. И. Манасеиной* „Чербетская принцесса“. (Повѣсть изъ дѣтства и юности Екатерины П). *Проф. М. И. Ростовцева* „Олимпийскія игры“. *П. Соловьевой (Аллего)*
„Царевна Земляничка“ (пьеса въ стихахъ). *Н. Л. Шатиръ*. „Въ зоологическомъ саду“ и мн. др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ пересылкой и доставкой 3 руб. Для ознакомленія съ журналомъ можно выписывать его на 4 мѣсяца за 1 руб. При желаніи продлить подписку остальные деньги должны быть присланы въ редакцію не позднѣе 15-го апрѣля.

Въ редакціи имѣются въ небольшомъ количествѣ комплекты 1908 и 1909 г.г.

Комплекты 1906 и 1907 гг. всѣ разошлись.

Подписка принимается въ конторѣ журнала и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ: Москва, при конторѣ Печковской, Петровскія линіи.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., № 36, кв. 4.

Телефонъ 297—55.

Редакторы-Издатели *Л. Соловьева* и *Ж. Манасеина*.